

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Вагим ДЕНИСОВ

ПУТЬ НА КРИСТУ.
ЗАКРЫТЫЕ ВОДЫ

Вадим Владимирович Денисов
Путь на Кресту.
Закрытые воды
Серия «Путь на Кресту», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6504518

*Путь на Кресту. Закрытые воды : фантастический роман / Вадим Денисов: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-66211-1*

Аннотация

Старинный пассажирский пароход со странным для Енисея названием «Темза» отправился в очередной рейс. Все шло как по маслу. Экипаж, возглавляемый суровым сибирским капитаном Ильей Самариным, справлялся со своими обязанностями. Пассажиры, в том числе и миллионер Герман Ростоцкий, наслаждались видами. И надо же было такому случиться, что Галина Ивановна, которая сопровождала группу школьников, уговорила капитана изменить маршрут. Совсем чуть-чуть, для того лишь, чтобы показать детям некое загадочное место. Капитан отдал команду. «Темза» направилась к берегу, и... Никто не понял, что произошло. Только что пароходик шлепал по суровым водам Енисея, а за бортом простиралась тайга, и вот он уже рассекает мутные воды неизвестной реки. А по берегам –

самые настоящие тропические джунгли. Ни капитан Самарин, ни бизнесмен Ростоцкий не подозревали, что с земными тропиками эти заросли не имеют ничего общего...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	45
Глава 3	88
Глава 4	137
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Вадим Денисов

Путь на Кресту.

Закрытые воды

© Денисов В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Пароход из прошлого

– Обещаю вам, дети, что у нас будет самое настоящее приключение! – с придыханием заявила учительского вида тётка, и зомбированный отряд, хором забормотав что-то восторженное, с энтузиазмом потащил разноцветные рюкзаки по коридору главной палубы к своим каютам.

Подивившись на такую дисциплину и получив у стойки свой ключ, я пошёл к трапу на верхнюю палубу. Больше в руках ничего не было. Ключ оценил сразу, таких капитальных запоров сейчас уже не делают, перевелись заказчики, не встречал даже в столичном пафосе. Замок в двери каюты соответственный – старая бронза и крепкая сталь. С обратной стороны в конструкции имелся хитрый выдвижной крюк с шариком на конце, можно вставлять в паз, дверь фиксируется на жёстком «приоткрытом стопоре»: щель в три пальца, очень удобно, и сквознячок лёгкий, и злонамеренную руку внутрь не просунешь. Шарик за годы эксплуатации совершенно не стёрся, отличная закалка. Интересно, почему именно у немцев всё так отлично получается? На века.

Судно сделано в Гамбурге, компанией «Бейт и К°», наверняка давно уже почившей.

А пароход остался.

– Это у вас всё? – осторожно спросил юноша стюард.

Плохие у нас стюарды, без школы, да и откуда бы ей взяться. Стараются парень, но не знает, как правильно. Стой да молчи, тебе скажут, если нужно будет сказать! Всё у вас, не всё у вас... Я окинул взглядом невеликую кучу барахла у двери, легко пересчитал. Три саквояжа, три футляра – комплект из буйволово́й кожи специальной выделки, стиль «усталый белый охотник на носорогов», сделано в Индии, на заказ. Два сака... неподъёмные, а один вообще непереносимый. Настолько большой и тяжёлый, что внутри его держит металлический каркас, держат тушу кита рёбра. Даже не знаю, сколько всё это добро весит, сам я таскать их не собирался: встретят-выгрузят-увезут.

– Бвана или маста, – буркнул я.

– Что, простите?

– Всё на месте, говорю, – и показал рукой внутрь, мол, втаскивай, давай, мой юный бой, втаскивай, чего замер? Или ты думаешь, что бвана сам потащит всё это в каюту? На немецком плыть, по-немецки жить. Работай! Стюард опомнился, двумя руками ухватил сумки и с трудом поволок их в моё временное пристанище. Кивнув головой, я сунул парню новенькую купюру. Чёрт вас знает, как вы в коллективе регламентируете чаевые, да и не очень интересуется, сам решать буду.

– Меню ресторана...

– Сейчас?

– Через сорок минут, – уточнил я, посмотрев на часы. Люксовая каюта оказалась... сложно описать.

Всё крошечное и вместе с тем солидное, как можно сделать такое? Две комнаты, душ с туалетом. Нет, с туалетиком. В спальне – шикарная кровать на двоих, почти не оставляющая места для прохода возле стены, две тумбочки по бокам и хитрые выдвижные ящички напротив. Потянешь за ручки на себя и чуть вбок – они выдвигаются гармошкой. Дерево в пазах смазано воском, скользит легко, потом откидывается по стальным направляющим. Обалдеть, как тут сумрачный немецкий техноизвращенец орудовал! Немецкое затягивает, не предам. Уже который год в жирных кругах модны различные «роверы», а я по-прежнему предпочитаю большие мерсовские джипы. Весной было поддался, уже прикинул к заднице – буквально – четвёртый «Дискавери» в люксе, но в последний момент переиграл, опять взял «немца».

Во второй комнатке, которую я, с вашего позволения, обзову кабинетом, имелся дубовый письменный стол с зеленым сукном, тёмно-красный мягкий стул с гнутой спинкой и миниатюрный диван такого же гарнитура напротив. Лампа с большим зелёным абажуром, тоже кондовый антик, наверное, в её успокаивающем свете хорошо ждать Пегаса или строчить философско-партийные воззвания. Рядом графин с чистой водой. Вот небольшой холодильник, белый ящик паскудного современного вида почему-то стоял встык с благородным деревом векового стола. Полный диссонанс, поте-

ря стиля. А... места другого не нашлось, вот в чём дело! Что хоть в нём... Минералки много, кола, соки, пиво разных марок, которое я пью редко. Другого спиртного нет.

Что имеем с видами на обнажённую северную натуру? Широкие окна в комнатках каюты, выходящей на левый борт верхней палубы, стекло в них вмонтировано толстенное, старое, похоже, родное. С лёгкой синевой.

Нормальные комнаты. Или это не комнаты, а отсеки? Да плевать, я не моряк, мне все эти «рундуки» и «полубаки» – сбоку. Но всё равно интересно, как любое новое. Так, я уже знаю, что наше судно, как говорят моряки, ошвартовано лагом, то есть стоит бортом к причальной стенке – случайно услышал на посадке, когда пара производственных буратин переругивалась на дебаркадере с боцманом из экипажа.

Внизу под каждым окном притаилась бронзовая ручка-крутилка. Не удержался, уцепил рычажок, опробовал, – в каюту тут же ворвался свежий речной воздух. Это пять! Крутишь, и тяжёлая рама с приятным лёгким рокотом плавно опускается до «куда скажешь». Вниз вертится легко, вверх с усилием.

Есть розетки на двести двадцать вольт, живём! Я как-то забыл при покупке билета пробить столь важный вопрос – капитальный прокол. Вспомнил поздно и сейчас чуточку волновался, на подъезде к причалу утешая себя мыслями: «На аварийный случай есть у нас некая хитрая шняга» и «Не могли же они в матобеспечении довольно дорогого ретро-

круиза не предусмотреть банально необходимых сервисных услуг!» Ну, слава богу, не подвели владельцы, подумали.

Пару раз в путешествиях на старых судах я нарывался на полное отсутствие розеток: «Уважаемые пассажиры, вы можете зарядить свои сотовые телефоны на ресепшн». Предложит умный человек такое? Чтобы скучающая девчонка разглядывала на моём смартфоне всё то, что вообще никто на свете не должен видеть? Серьёзный человек свой сотовый даже кошке Мурке не доверит. Увы, подавляющая часть нашего народа наивна и доверчива... А ставить пароли – тот ещё геморрой, их столько копится, что вечно путаешься и боишься забыть. А у меня два айфона, вот такая теперь дурь и мода. Раньше «удачный» народ скупал «верту», но с тех пор, как айфон окончательно стал «нашим всё», ситуация для «верту» чрезвычайно усложнилась. Моя «вертушка» с платиновыми кнопками уже года три валяется в бардачке «Трэкола», как бросил после одной из охот, так и осталась. Большинству деловых вербально как бы плевать, но... не помню, у кого подсмотрел. Дайте три! Типа, на всех разные симки: для дела, для жены, для дружков-полюбовниц. Дамы ещё пытаются на презентациях вытаскивать из ридикюлей телефоны в стразах, но это уже смешно.

Саквояжи стояли по углам.

Раскрывать приданое полностью я и не собирался, всё потребное для проживания на борту в течение недели мной тщательно отобрано и уложено в саквояж «со слонами». Тис-

нёными. А вот сак «с баранами», после выемки спиртного и некоторых мелочей, станет поклажей второй очереди. Если только не хватит, что вряд ли. Огромный сак-баул открывать точно не потребует, там хранится чисто охотничье снаряжение, которого много, и патроны, коих очень много, если считать по весу. Только для гладкого полтыщи штук. Знаю я все эти мульки-прульки, проходили. То один забудет, то другой, имея кошелёк, достаточный для покупки патронной фабрики, берёт откровенное дерьмо, то егерь вовремя не подвезёт. Ну и пострелушки-хохотушки, без этого вообще никогда не обходится, особенно в непогоду, когда охоты нет, а пить в лагере горькую скучно. Тарелочки там, баночки...

Кроме того, привычка у меня давняя: всё своё ношу с собой. Точнее, так – многое из необходимого ездит и носится при мне. Футляры тем более можно спрятать. Да и нужно. В двух – стволы, в третьем спиннинги и снасти – на троллинг да нахлыст.

Шкаф здесь весьма необычный. Плоский, много в такой не всунешь, моё же влезет. Зато есть много крючков на стенах. Отчего-то чувствуется сразу, что места их размещения оставались неизменными более сотни лет, никто не покусился перевесить. Заходишь, снимаешь шляпу – чуть повёл рукой, она сама собой оказывается на нужном крючке. Вот для плаща, вот для зонтов... Прелесть, шарить не надо даже в темноте. Тогда ещё не существовало такой науки, как эргономика, а мелочное удобство было. Нет ли тут связи?

Из холодильника я быстренько сотворил походный бар. Распибал одиозный «Хеннеси», причем самый дешёвый, – грешен, именно такой люблю, – водочку, шоколад, маленькие баночки с закусками – нормально, почти цивиль. Никаких текил и прочих самогонов класса виски для эстетствующего плебса.

Потом поставил на письменный стол компактный спутниковый «Иридиум-экстрим», военный класс прочности, шестьдесят шесть спутников и защищённый «панасовский» ноутбук, посидел, огляделся и встал, решив, что вторая комната почти оживлена.

И на том устал, хватит пахать, пора на свежий воздух.

Сняв с крючка тёмно-зелёную суконную куртку, я подумал и надел мягкую кожаную шляпу. Нет, не стетсон, увольте, не люблю показушную колхозную ковбойщину, этот шик из Австрии привёз. На дух не переваривая любой, даже самый пафосный камуфляж, я давно уже предпочитаю одеваться в старом-добром, многократно проверенном северном европейско-охотничьем варианте: кожа, сукно, хлопок, изредка технология. Никакого меха. Чтобы не возвращаться к теме: не люблю милитаристиль, а также джинсы, фланелевые клетчатые рубашки и грубые тяжёлые ботинки.

На двери под блестящей биркой «Люкс № 1» в прорези уже стояла аккуратная белая полоска с надписью «Г. К. Ростокский» – это я. Сильно, сильно... Нужна ли такая афишка? Да пусть висит! Покрасуемся, раз так принято, что тут

плохого может произойти.

Кстати, а почему «Люкс № 1», если других на судне просто нет, я план помню. Надо будет спросить у шкипера, благо, соседи. Напротив моего люкса соответствующей табличкой – «Капитан И. А. Самарин» – обозначена каюта капитана корабля, размеры те же, может, даже чуть побольше. Я с любопытством пошёл по узкому коридору, трогая рукой облицовку из панелей благородной древесины. Стюард сказал, что это палисандр. Вполне может быть.

Сразу за капитанским жилищем, так же, как и с моей стороны, на обе палубы выходили тяжёлые двери с латунными поручнями. Далее по короткому узкому коридору – выступ, внутри которого наверх выходит единственная труба парохода, а за ним спряталась каюта судового врача. Напротив – маленький туалет, душевая и еще одна каюта, на этот раз без надписи и бирки. Замыкал коридор музыкальный салон, так и записанный таблично. Толкнул дверь – не заперто. Оглядев неожиданно просторное полукруглое помещение, я сразу же оценил стеклянную панораму с видом на корму, сейчас частично задрапированную тяжёлыми бархатными шторами ядовито-лилового цвета. Много мягких стульев, составленных дугой вдоль стены, два академического вида книжных шкафа, где хранится небольшая библиотека книг, изданных лет 50–60 назад, и маленькое пианино, таких прежде я никогда не видел!

С другой стороны коридорчика красивый трап с массив-

ными перилами винтом уходил вниз, на главную палубу, прямо к стойке ресепшн с одной стороны и ресторанчику с буфетом в носовой части – с другой. Там же, на главной, находятся и все остальные пассажирские каюты, класс первый, других нет, никаких трюмных бомжатников, пропахших тухлой браконьерской рыбой.

В передней части коридор верхней палубы заканчивался комнатой для бездельников, так и написано – «Клуб». Вот он заперт, жаль, надо бы разобраться с доступом, комфорт с видом по ходу судна мне интересен. Или здесь журфиксы?

Больше ничего интересного на верхней палубе не было. Выходит, я тут вообще один жилец, вот так вот. Впрочем, судя по цене люкса, уже только его покупка обеспечивала половину бюджета всего рейса. Несмотря на то, что я, конечно же, предварительно посмотрел в Сети на пароходик и доступные интерьеры на сайте, действительность, как всегда, оказалась несколько иной. Гораздо более живой, фактурной и, без сомнения, привлекательной.

Над верхней палубой находилась капитанская рубка с длинными крыльями ходового мостика. Шеф в белом костюме и чёрной с золотом фуражке стоял на левом крыле и согласно нормам ТБ или что там у них рулит осуществлял безопасный отход судна. Большая чёрная труба паровой машины дымила еле-еле, на маневре работал дизелёк. Командовал капитан в самый настоящий рупор.

На нас смотрела оживающая воскресная Дудинка.

А вот и мои стоят возле большой чёрной машины, помощник с водителем. Зрителей много, всем нравилось. Я тоже приосанился, приняв пластическую позу лорда Рокстона из «Затерянного мира». Отважный одинокий путешественник на верхней палубе под томными женскими взглядами, знатный холостяк. Сверкнули вспышки.

Первоначально судно было растянуто на двух концах, мёртво стояло.

– Отдать кормовые! – раздалось сверху без всяких театральных ноток.

Кто-то пробежал внизу, тихо выматерившись в ответ, что-то упало с жестяным звуком. Начались хитрые маневры.

– Руль лево на борт!

– Полный передний ход! Толчок машиной вперёд! Раз, два, три...

– Стоп! Прямо руль!

В результате маневра пароходик очень медленно начал продвигаться вперёд, арки огромных гребных колёс отодвинулись от причала, корма чуть дрогнула. Носовые канаты, в смысле, швартовы, кэп пока не отдавал, они страшно натянулись, мне показалось, что вот-вот порвутся! И тут корма как-то сама собой отошла от причала – отчаливаем! Легко и изящно. Из динамиков дебаркадера зазвучал какой-то марш.

После остановки капитан прокричал про задний ход, тут же скрывшись в рубке, и судно спокойно отошло от причала, не повредив ни его, ни свой драгоценный борт.

В знак победного начала над Енисеем полетел низкий протяжный гудок, который подхватили два буксира по соседству, на земле все заорали, замахали руками. Я тоже вальяжно махнул тройке девчат в цветастых кофточках, вернусь, мол, Мэри, не грусти. Как же это у меня курительной трубки не оказалось?

Встречный ветер приносил с акватории запахи водорослей и рыбы. Перегнувшись через ограждение, я посмотрел, как два мальчишки матроса начали убирать с главной палубы несколько большущих коробок и пяток тяжелых ящиков. Мешки, корзины... Боцман, тоже не старик, маленький кругляш лет двадцати пяти, весело подгонял подчинённых, что называется, солёными словами – они сразу подействовали. Берег стал удаляться, шеренга огромных порталных кранов, уменьшаясь в размерах, качала клювами, а я пошёл по палубе назад, некоторое время успевая компенсировать ход корабля.

Кормовая часть, куда выходят окна музыкального салона, тоже маленькая. Под пологом с рюшами стоят два сложенных шезлонга и сервировочный столик между ними, как же это я трубочкой не разжился?! Хорошо посидеть в тиши под ветром, посмотреть на проплывающие красоты. Пых-пых...

Наклонился вниз, заглядывая на корму главной палубы, и обмер.

Внизу стояла пушка! Вот так вот!

На поворотном лафете, причём на штатном месте, судя по

дощатым упорам и пазам. Медная такая, блестящая. Да нет, бронза, конечно. Я как-то сразу понял, что пушечка настоящая, деловое оружие. Угол обстрела примерно сто восемьдесят градусов, поднята выше ограждений. Длина ствола... ну, метр, примерно. Сбоку от орудия лежала старательно сложенная пирамидкой кучка тёмно-серых ядер, фотография на тысячу баксов. Вокруг пирамидки набиты рейки квадратиком, чтобы снаряды не раскатились. Могу предположить, что от воздействия обывательских слюней в чугуне периодически прорастают маленькие ножки, ядра, крадучись, уходят в совершенно неизвестном направлении. Зачем они в хозяйстве? И тут же почувствовал, что мне хочется поступить поворовски. Вот ведь дурь мальчишеская...

Нет, подождите, это что же, выходит, она реально пуляет ядрами? Отчаянно захотелось стрельнуть, будет, что рассказать друзьям на алтайской охотбазе, это вам не с вертушки краснокишечных горных баранов бить.

С левого борта на таях висит белая штатная шляпка, с правого – серая с оранжевым РИВ-лодка с подвесным мотором. Какие-то баки в изобилии, белые мешки штабелями – уголь, что ли? Очень много дров, разложенных прямо на палубе. Интересного вокруг много, однако взгляд мой снова и снова возвращался к орудию. Как магнитом тянет!

– Ваше меню, господин Ростоцкий!

С трудом оторвавшись от созерцания корабельной артиллерии, я оглянулся.

Стюард уже вошёл во вкус, всё нужное про меня вызнал и теперь стоял с показательной чайной паузой. Худощавый, даже тщедушный парень, на котором свободно болтался белый сюртук, узкобедрый, в отглаженных брючках, пушок на скуластом лице – первые следы будущей жиденькой бородёнки, чуть монгольские глаза. Я вытащил книжицу, папку вернул, на хрен она мне. Он взял у меня синюю кожанку с логотипом, скользяще улыбнулся, как-то заранее виновато... Нет уж, вас разбаловать – раз плюнуть, потом шагу без бабла не сделаете! Не рвись, мальчик, за деньгами, рвись за трудами.

– Спасибо, любезный, ступайте.

Мальчишка, хлопнув широкими полотняными штанами, удрал, я же машинально полистал плотный картон. Так... Вполне ожидаемый стандарт горячего: солянка, куриный с потрошками, уха стерляжья. Отбивные, сижок запеченный, жульенчик, салатики всякие. Расстегаи, в скобках особо записано, что маленькие. Пирожки, пирожки, пирожки, кулебяки какие-то... господи, да куда столько выпечки! Заливное есть! Это хорошо, очень люблю, если правильно приготовлено. Обед, вполне благоразумно отнесённый капитаном на ужин – когда ещё вся суета уляжется – через полтора часа, вполне можно дотерпеть. Не кусочничать, как говорила мама. Аппетит, кстати, уже имеется, и он в динамике.

Чайки, как по расписанию, появились дружной стаей, захватив пароход в своё пользование. Запахи пошли по всей палубе – на корабле вовсю начинала работать кухня. Группа

детей внизу на корме кидала чайкам куски чёрного хлеба. Было довольно интересно наблюдать, какие фортели жирные, откормленные белые птицы вытворяли в воздухе, бросаясь в воду за едой. Сытые твари, избалованные. Первая хватала кусок и тут же бросала, не оценив угощенье – булку сдобную подавай! – вторая тоже брезгливо выкидывала. Только третья, что послабже телом и статусом, с удовольствием съедала намокшее угощение. Всё, как у людей.

– Герман Константинович, добрый день, я вас приветствую на борту! Лично не смог на посадке... Поднимайтесь в рубку, познакомимся! – крикнули сверху.

Подобный образ капитана парохода являлся неотъемлемой частью судового имущества, без него всё это благолепие просто не смотрелось бы. На меня пристально глядели серые глаза более чем пятидесятилетнего седоватого мужчины, сухенького, невысокого, крепко побитого жизнью начальника-за-всё-ответчика. Никакой такой сермяжно-посконной литературной «хитринки» да «прищуринки» – спокойный, несколько усталый взор властного, уверенного в себе человека. Необычные глаза, нетипичные для оператора транспортного средства, даже столь крутого.

Быстро поднявшись по гулкому железному трапу наверх, я с удовольствием пожал сухую и сильную руку шкипера, вышедшего на крыло, представился ещё раз.

– Знаем, знаем, как же, – всё-таки подпустил той самой хитринки старый опытный хрен. – Первый раз в жизни жму

руку олигарху. Здесь голову поберегите, вы человек высокий... Как устроились?

– Ну, не олигарху, положим, – усмехнулся я, привычно добавив: – Журнал «Форбс» про меня ничего не знает.

– Кому надо, знают, – мудро ответил старикан. – Всё едино, многодолларовый миллионер, знаменитость. Или как это называется-то, а?

– По-разному. Хоть многоевровый. Давайте обо мне не будем, я сейчас у вас в гостях и тоже впервые знакомлюсь с капитаном настоящего парохода, – признавшись, я тут же перешёл к интересующему. – Сразу первый вопрос: почему именно «Темза»? Вроде как не сибирское имя.

– Самое что ни на есть сибирское! – отрезал кэп. – В честь капитана Джозефа Виггинса, как-нибудь я за тремя рюмочками чая с бальзамом расскажу вам его удивительную историю и роль в освоении Енисея.

– С удовольствием! – подыграл я. – Кстати, устроился замечательно, почти как дома. Судно находится в отличном состоянии, просто игрушка, что несомненный плюс владельцам, деньги потрачены не зря.

– Так я и есть владелец, – просто сказал Илья Александрович, отчего-то тягостно вздохнув.

Вот оно что. Вот почему у него такие глаза. Как же я сразу не раскусил. У капитана были глаза собственника, а не наёмного работника, при определённом опыте этот фактор обычно замечаешь сразу. Там много чего есть во взоре, не буду

разжёвывать, лишнее это. Главное – у таких людей другая логика принятия решений. Вы вспомните, что таксист тоже имеет в собственности средство производства? Чуть, он тупо извозчик. Этого мало. Надо использовать наёмный труд, платить людям и отвечать за них. Вот тогда ты собственник.

Ну, значит, тем более... Будем общаться сословно. Почти.

– Вы очень качественно им владеете, – вежливо поведал я собеседнику. – Историки мирового судоходства должны бы вам в ножки поклониться.

И дед растаял, как тут не поплыть – любимое дитя хвалят!

– Сёма! – крикнул он вахтенному матросу.

– Что, Илья Александрович? – моментально отозвался тот.

– Иди-ка ты, мил-друг, в кубрик, отдохни чуток, а боцману напомни про дрова, пусть на корме перекладывает. Ярику скажешь, чтобы он... в общем, капитанский чай-два полным комплектом через десять. Понял?

– Кстати, о дровах... – начал я, но капитан меня опередил.

– Пройдёмте в рубку. К рулю и ветрилам, так сказать.

В рубке я опять оцепенел.

Колесо. Нет, два колеса! Рулевых.

Посреди просторной рубки стояла здоровенная тумба с двумя железными кругами под полтора метра в диаметре, из которых торчали деревянные ручки. Много ручек.

– Работает, работает, – успокоил меня капитан «Темзы», предваряя очевидный вопрос. – Не всегда, конечно, пользу-

емся, сервоприводы имеем, двадцать первый век на дворе, но иногда потребно покрутить с усилием. Ничего, пары уже разводят, скоро услышите, как запоют колёса.

Я бегло оглядел самое деловое помещение корабля. Действительно, всё необходимо-современное тут имеется. Мониторы РЛС и гидролокатора, GPS с Глонассом, пульт со светодиодами, динамики, приборы на полках, два бинокля на крючках, ноутбук. А вот радиостанции! Потому-то и радииста нет, всё на капитане. Интерьер завершал крутящийся стул и кресло-качалка в углу.

Проходящий мимо буксир или катер пискляво тьякнул сигналом, Самарин нехотя потянул кожаную петлю, гудок «Темзы» рывкнул коротко, солидно – горячим паром! Это вам не электроника пошлая.

– Завидуют? – спросил я, кивнув на небольшое встречное суденышко.

– Не без этого. Но и посмеиваются, анекдоты пишут, – капитан парохода надвинул фуражку на лоб, презрительно оглядел пространство по левому борту и сделал вид, что плюнул за борт. – Я таким тоже отвечаю любовью. В основном ребята на реке хорошие, правильные, другие уходят, садятся или топнут, но есть некоторые... – он махнул рукой, явно вспоминая какую-то конкретную обиду, и опять сердито сплюнул.

– Этот из таких? – понял я.

– Да пёс с ним, бесёнком неразумным, река научит, – он

посмотрел на западный край неба и дал прогноз: – Погодка звонкая, хорошо пойдём, пожалуй. Даже ветер попутный будет нам в подарок часов на шесть. Правда, сильный. Полетим, в общем.

«Темза», прижимаясь к правому берегу, шла ровным ходом по спокойной воде. Справа неясно выступали очертания низкого дальнего леса.

Тут и чай принесли, тот самый стюард Ярик расстарался. – Греемся, – сказал шкипер. – Бальзам хороший, армянский. Я по капельке, а вам входную дозу плесну, не обессудьте.

– Так тепло же, – неуверенно произнес я, вдруг ощутив неожиданную прохладу. Ну да, форточки открыты.

– А мы всегда заранее греемся, про запас. Это Сибирь. Сейчас тепло, через час холодок налетит, а то и снежок. Печеньё будете?

– Спасибо, скоро ужин, сберегу аппетит для оценки вашей кухни.

От глотка хорошего коньяка из крошечной рюмки под расстёгнутой курткой стало теплее, вновь, как в каюте, появилось ощущение уюта.

Практически все баржи, которые косяком пошли навстречу, везли легковые автомобили и контейнера. Попадались танкеры, при взгляде на которые сразу можно определить, полный он или пустой. Нос вверх – пустой. Мимо прошел «Щетинкин», нос задран, зачем идёт в низовья? Мимо

проплывало заброшенное зимовье, все три кривых домика заколочены, но на берегу горел костёр. Свой мирок, другая жизнь.

Косяк прошёл, огромная река вновь опустела.

В отпускные экспедиции я частенько отправляюсь один, без охраны, очень уж не люблю всё это дело, реально мешают. Здесь тот самый случай: маршрут простой, от Дудинки до Красноярска, а там меня подхватит группа встречи из краевого офиса, и на Алтай, где через две недели соберётся тёплая компания любителей пострелять трофейно. Это несложно, уверяю вас. Достаточно держаться просто, не высываться и ни с кем не общаться из нормальных, скажем так, людей. Всё равно не получится.

Я понимаю, что это не понравится многим, но акцентирую снова: не получится. Из тысячи человек всего один сможет на равных говорить с миллионером или миллиардером. Перед остальными будет штамп – кошелёк с ногами. Все попытки контакта заканчиваются одинаково: одни начинают приставать с идиотскими предложениями своих гениальных проектов, вещать о необходимости финансирования чрезвычайно нужных обществу инноваций или чудного стартапа, другие затянут песню о спонсорстве, прозябающей нацкультуре, социальной ответственности и мириадах инвалидов. О книгах, охотах, фильмах говорить никто не будет, им это и в голову не придёт. Только о деньгах. Есть небольшой процент большевиков, но эти легко фильтруются дру-

гим салоном, залом либо типом транспортного средства, ибо у них никогда нет денег.

Есть очень узкий круг верных друзей детства, это святое, ценишь, таких якорей мало. Они вообще часто встроены. Остальные – мимо.

Вот такой жёсткий взгляд.

И каждый, кто прошёл все препоны, сумев нагрести хороший сугроб баксов, это отлично знает – из личного опыта. Морщиться от такой позиции можно сколько угодно, ровно так же, впрочем, как тот же самый нормальный человек морщится при виде бомжа у своего подъезда или бабки-попрошайки в магазине, хотя последней есть что рассказать о своих чаяниях и бедах, в которых она часто и не виновата... Однако нормальный человек привычно воротит нос: «Доченька, пошли быстрее!», вникать в проблему и начать понимать тот мир не собирается, как не хочет общаться с подобными в обнимочку, опускаясь на ступень ниже – вся сердечность и праведность тут же исчезают. «Я добился, а они нет». Вечное правило, ничего тут не поделать.

Просто ступень, ничего личного. Ни презрения, ни лицемерия, всё равно: другой слой, другой статус. А самый лучший способ помощи нормальным людям – это не беседы со слезами в пиджак, а организация рабочих мест и достойные зарплаты. Я это делаю, перед совестью чист. А вот общаться не буду, давно учёный.

По всему получается, что капитан судна в моём статусе и

круге. Я этому рад, он, подозреваю, тоже. Потому что на корабле, являясь богом и царём, кэп чудовищно одинок, и доверительно общаться с подчинёнными не будет и не может... Ребята из моей безопасности капитана на профпригодность пробили. Как вот только не выяснили, что именно он является владельцем судна, а? Впрочем, если там все концы прячутся в ООО-шках, то сразу и не щёлкнешь, кто за кем стоит и реально правит. Тем не менее, это прокол, разберусь.

Работа капитана – непрерывный тягучий стресс с регулярными вилами под горло от взрывных нагрузок. И, как говорят знающие люди, порой со стороны милейшего Ильи Александровича такие ненормативные громы и молнии летят, что у посторонних людей уши в трубочку сворачиваются. Матерщинник он, в общем. Человек на Реке известный и капитан уникальный, удивительной интуиции шкипер. Как правило, внешне абсолютно спокоен, никогда в жизни особо не суетился и ни перед кем не заискивал. Характер сибирского казака, помноженный на врожденное достоинство и силу духа архангельских поморов. В капитанской работе, конечно же, без риска никак не обойдешься, но даже в самых пиковых ситуациях Самарин не терял головы, решения находил правильные и эффективные. Думаю, что среди капитанов суетливых людей практически нет, они отсеиваются на предыдущих должностях.

– Я вот осторожно спрошу... пушка у вас на корме, это как? Неужели настоящая?

– Думаете, властей боюсь? Не боюсь! – хохотнул он. – Пушка штатная, древняя, оружием не считается. Атрибут, антураж.

Да какая разница!

– Илья Александрович, как на духу. Клянусь, никому ни звука!

– Палит аки лютый зверь! – важно подтвердил капитан. – Пять разов стреляли с боцманом, два раза холостыми, и три ядра потеряли, жалко, страсть как.

– Оплачу полтонны ядер. Даже добыть помогу!

– Замётано, – быстро согласился кэп. – Завтра устроим стрельбы.

Я довольно щёлкнул пальцем.

– А то, что она штатная, это...

– Так и по почтовым делам служил пароходик, и по казённым-банковским надобностям приходилось. Ясак возили, ценности всякие, – охотно начал рассказывать Самарин, развернувшись полубоком на креслице возле пульта. – Вот и держали на всякий случай, как я понимаю. Оно ведь как тут было-то. И сейчас края дикие, такая шваль порой из тайги вылазит... а уж тогда! Секунду.

Он что-то оценил на мониторе, кхекнул, передвинув небольшой джойстик, и снова повернулся ко мне.

– Казачьи отряды шли по реке на дощаниках или больших стругах, их в Енисейске строили. Более двух месяцев порой добирались! Только от Енисейска до Большого Казачинско-

го порога суда шли в срок до трёх недель! У порога грузы снимали и переносили выше. А от порога до Красного яра ещё три недели пути. И вот представьте: на всех ночлегах и обеденных лесных стоянках люди, опасаясь набегов тунгусских да разбойных шаек, ставили крепкие засеки, а на чистых местах перед обедом и на ночь возводили целые дощатые городки, во как! Так сложно и опасно было добираться по Енисею до Красного яра. И пиратство береговое встречалось. Как началась золотая лихорадка, так охочих за чужим в тайге развелось, будто комаров... Что коснись, и помощи никакой, река-то практически пуста. Ну и сигнал дать в тумане, милое дело. А ядра... так как же без них, хотя бы для порядка должны быть.

Как можно перед обедом городить городки? Удивительной силы и подвига были люди.

– Почему-то не удивлюсь, если выяснится, что у вас ещё и картечь есть, которой по злодеям шмаляли, – подмигнул я.

– Неужель в армии не настрелялись?

– Да не был я в армии, военка при вузе, из всего армейского только из «калаша» и пострелял, целых два раза. А потом как-то не тянуло.

– Зато из гражданского, вижу, не промах.

– Если по ассортименту, то да, частенько и из многого. Если же по качеству стрельбы, то не очень, – признался я, ничуть не рисуясь, действительно, всё так и есть. – Хорошим стрелком назвать себя не могу, дара нет. Так, удачно иной

раз складывается.

Почувствовав некое единение душ, мы разговорились.

Вскоре я узнал, что экипаж весьма мал количественно и довольно специфичен по категориям личного состава. У меня сложилось впечатление, что на «Темзе» служат одни дети. Реально взрослых мужиков двое – механик и кочегар. Еще есть доктор, женщина. Боцмана-маломерка по фамилии Чубко я уже видел, в подчинении у орла пара матросиков, пацанов лет шестнадцати. Два стюарда, парень и девушка.

– Пока оба на вахте, как разберутся с пассажирами, пойдут в смену... Повариха на судне знаменитая, основательная женщина, ещё познакомитесь. А штурман мой, паразит, с ментом корабельным в Туруханске сидят, скоро забирать будем.

– И мент имеется? – искренне удивился я.

– Насильно суют, – посетовал владелец «Темзы», опять что-то переключая и подкручивая. – Какая же хорошая штука этот GPS, скажу я вам! Лучшее изобретение человечества за последние годы! А? Мент, говорю. Суют. Говорят, раз VIP-рейсы, так и ты обязан, участились случаи хулиганства на борту, положение новое вышло. Всё делают, сволочи, чтобы плавать невыгодно было, убивают бизнес окончательно. Мне вот достался непутёвый полицаи, докладную в Красноярске напишу, пусть забирают обратно. Полюбовница у него, видите ли, в Туруханске... побежал к ней котом шелудивым, когда вниз шли. Ещё и штурмана моего сбил с

бестолку! Ладно, своего я за отгулы отпустил, сам дойду, тут всего ничего. А мент – чисто гад. Бездельник, ни в чём помогать не хочет, только спит и пьёт. Зачем такой человек в экипаже?

Радиста на судне нет, докторесса Нина – нормальная, серьёзная, душа в душу, механик Заремба вредный, но работающий, а стюардесса Оля ленивая и глупая.

– Почему курсанты, Илья Александрович?

– Не пьют они ещё, Герман Константинович, – вздохнув, ответил шкипер. – Устал я с этим злом бороться, все спиваются, только приручишь да обучишь... Ребят же ко мне на судно в училище из самых лучших подбирают! Им на «Темзу» попасть – за честь, как на парусный «Крузенштерн». Отличная практика, репутация.

– А кочегар? – вспомнил я, типа, уж этот-то должен... кочегарить.

– Федя Липпо? Да он баптист.

Липпо и Заремба, отличный комплект трюмных гномов.

– Баптисты не употребляют, что ли? – удивился я.

– Кто ж их, странных, знает, – безразлично бросил старый речной волк. – Недавно к ним записался, с годик всего. Хотел мормоном, а стал баптистом... Песни теперь поёт. Господи, да тут кого только нет! Этот не прогуливает, работает, как карла, молчит, не спорит, книжки какие-то читает. Говорят, в Сосновку вообще салафит какой-то заходил! Кстати, так и не вышел, за грибами пошёл и случайно не вернулся.

Тайга староверская...

По итогам первого общения с капитаном я узнал много нового, полезного и не очень.

Кранцы все знают – это резиновые болванки, смягчающие удар при швартовках судна о причал. Часто используются старые автомобильные покрышки, но уважающий себя боцман старался обзавестись настоящими. Имеют две задачи: защитить борт и обеспечить маленькую возможность остаться не раздавленным при выпадении человека за борт. За борт они вывешиваются в нужное место и в нужное время. По степени обшарпанности судна в определённых местах можно определить, насколько умел шкипер и экипаж. На «Темзе» никаких покрышек нет и быть не может, по определению.

Команда на судне – не просто информация, которую надо понять и дословно выполнить. Команда есть код, и каждой такой команде соответствует перечень действий и мероприятий – «Расписание». Каждый член экипажа имеет выписку из него, она висит у него перед глазами рядом с фото любимой и на гражданских судах называется «надкоечным расписанием». Вот что такое команда, и она должна быть подана громко, чётко и с интонацией голоса, не терпящего возражений. С непривычки она кому-то покажется злой, но это одно из условий, необходимых для безаварийной эксплуатации судна в любых условиях и сохранения жизни и здоровья экипажа.

– Иные матерятся, – обещающе произнёс капитан «Тем-

зы».

Теперь по гребным колёсам.

Тут уж капитан знал решительно всё. Оказывается, они переживают второе рождение. К началу двадцатого века колесные пароходы стали вымирать, особенно после того, как в 1843 году Британское адмиралтейство провело сравнительные испытания однотипных пароходов «Раттлер» и «Алекто»: с винтом и колесами. Классический чёрный пиар. Винтовой «Раттлер» перетянул колёсный «Алекто». Дело было сделано, тема умерла. Но сама идея не забыта. Дело в том, что и гребному винту свойственны недостатки. На мелководье от поверхности к лопастям начинает подсасываться воздух, что приводит к снижению КПД. А заглубление винта невозможно без увеличения осадки – мелководные реки становятся недоступными. Водомёты же и суда на воздушной подушке дороги и не приспособлены для перевозки грузов, экономика начинает сбоить. Кроме того, как только винтовое судно влетает на мелководье, возникает просадка, винты как бы выгоняют воду из-под корпуса, и корабль тут же оседает на корму. Капитан сбрасывает обороты, чтобы винты и руль не ударились о грунт. Однако, теряя скорость, корабль становится плохо управляемым. Вот и начали инженеры вспоминать о колёсниках, на которые действие закона Бернулли не распространяется.

Время шло к ужину, и я, с пониманием пожав руку капитану, вышел из рубки.

Вдогон судну подул северный ветер, который уже не компенсировался скоростью судна, на палубе стало холодно. За время беседы два раза принимался дождь, и я ни разу не пожалел, что накинул куртку.

На блеклом фоне полуденного северного неба был ясно виден небольшой самолет. Он шел совсем низко прямым курсом навстречу нам. «Ан-3» работает, геологи куда-то пошли. Не успел я проводить его взглядом, как пароход задрожал от напряжения, прозвучали какие-то команды по громкой связи, которые я не расслышал, а точнее прощёлкал, твякнул ревун, и звуки движения радикально изменились. Где-то гулко застучали шатуны, по бокам в коробчатых нишах плеснули по воде и с шелестом залопотали широкими лопастями-плицами громадные гребные колеса, «Темза» вздрогнула, словно задумавшись, притормозила и вновь рванулась вперед против течения, но уже как-то радостней, живей.

Есть переключение, мы гребём! Выдыхайте, бобры, рыбы и все встречные сухогрузы, пароход идёт колёсный!

Как в старину...

Погода тем временем окончательно испортилась.

Сильный ветер развеял почти тёплую дневную благодать, и к вечеру нас обступил довольно густой туман с противным морозящим дождём. Стало быстро темнеть. На палубе находиться было невыносимо, в каютах вечером решительно скучно – народ собрался в ресторанчике. На ужине почти все

столики ресторана были заняты, и я, наконец, получил возможность первично познакомиться с остальными пассажирами «Темзы». Тихо и уютно. Небольшая плазма показывала какие-то клипы, приглушённый свет был к месту и в тон, набегающая вода мягко плескала в борта. Цены, кстати, вполне божеские для среднего кошелька.

– Карточки принимаете? – на всякий случай поинтересовался я у стюардессы Оли, в данный момент времени выполняющей обязанности официантки.

– Конечно, господин Ростоцкий, любые, но только в местах связи. Обычно же мы записываем в кредит с расчётом в конце пути. Вас это устроит?

Ожидая заказ, я на всякий случай глянул в «рабочий» айфон.

Сотовая связь во время пути практически всегда будет отсутствовать, собственно, потому и взял с собой спутниковый аппарат. Однако с ним не так удобно, да и возможности совсем другие. Сигналы «Билайна» и «МТС» по всему пути следования появятся лишь считанные разы в крупных посёлках, а вот владельцы симок с «ЕТК» станут просто счастличиками, который год одно и то же. Связь у «Енисейтелекома» на реке всегда более стабильна. Помню, как год назад абоненты остальных операторов истошно орали в свои трубы у каждого мало-мальски обласканного цивилизацией населённого пункта. Особенно раздражала горластая тётка, которая ехала, как с ходу успела рассказать всей палубе, до

Енисейска. Теплоход шёл с опозданием, у бабищи возникли конкретные проблемы с теми, кто должен был её встретить, а орала она настолько истошно, что практически весь корабль был в курсе её житейских и нравственных проблем.

«Скажи этой сучке Тамаре... Вечером... да везу, везу!!!», «Мы опаздываем... А она знает, где! Вовке звони, у него машина!», «Ах ты, скот... Я тебе... Я... что ли когда-то давала тебе повод?!»

Памятуя ту кошмарную поездку, решил на этот раз опробовать новомодный стартап.

Почему не самолётом, «два часа и в дамки»? Потому что просто люблю плыть рекой. Вот и вся причина.

Оля посоветовала взять фирменной ухи, я отказался. Вообще не люблю рыбу и крайне редко её употребляю. Мясо – наше всё. Ещё лет десять назад один из приятелей поведал мне истину, якобы известную ещё со времён построения империи Карла Великого: народы-рыбоеды неизбежно ленивы, безынициативны и капризны. Судя по контурам той «империи пороха и стали», давшей толчок всему техническому прогрессу человечества, что-то исторически справедливое в этом тезисе определённо есть.

Поданная солянка оказалась приличной, мясо условно приемлемым, а вот пирожки и расстегаи, которые я взял вместо хлеба, просто отменными! Красная икра порадовала, а осетровую не брал, отчего-то на Енисее не умеют её правильно готовить, постоянно ощущается посторонний при-

вкус. Попыхивая электронной сигаретой – уже полгода без особого успеха пытаюсь отвыкнуть от чистого табака, – я поглядывал по сторонам.

Рядом со мной расположилась дружная команда победителей детского конкурса знатоков локальной истории, группа учеников восьмого класса в сопровождении старшей, три девочки и три мальчика. Как сообщил капитан, поощрительную экскурсию на ретросудне каждый раз оплачивает краевое министерство, выгодное дело, постоянная бронь. Командовала шумной неугомонной сворой пожилая дама, невероятно увлечённая этим самым краеведением и путешествиями. Причём не только по Сибири, но и по всей России, география её поездок впечатлила даже меня. Резкий командный голос сопровождающей постоянно слышен с главной палубы. Она с жаром рассказывала детям о маршрутах по Красноярскому краю, Якутии, Хакасии, заставляя победителей записывать всё в маленькие карманные блокнотики. Звали её Галина Ивановна, как мимоходом она представилась на палубе, пролетая мимо со свитой. При этом начальствующая дама исхитрилась моментально переключиться и торопливо бросить за спину:

– А это, дети, известный сибирский миллионер – товарищ Ростозкий! Вы его могли видеть в телевизоре!

Дети послушно зафиксировали очередную достопримечательность реки в блокнотах.

Едва остановившись на палубе, она, успевая устраивать

опросы, викторины и мгновенные конкурсы по знанию этих мест, захлеб рассказывала им ещё и про Байкал с Амуром, про водопады Бразилии и свою прошлогоднюю поездку дикарём в Иран. Стоя в стороне, я и сам поддался её чарам и даже послушал кусок скоротечной лекции. Если отбросить в сторону некоторую взбалмошность, то Галина Ивановна оказалась приятным грамотным рассказчиком, человеком любознательным, хотя её повествования о своих путешествиях порой отдавали авантюризмом, чего детям вбивать в голову пока не следовало бы.

Слева от меня тихо ужинала степенная семейная пара, солидного вида муж с женой и молчаливая дочка при них, уткнувшаяся в PSP. Более пока ничего о них сказать не могу, вели себя они скромно, а разговаривали тихо.

Вот пассажиры «Темзы» и закончились, ещё четыре каюты первого класса должны заполниться в Туруханске. Как я понял, к списку пассажиров добавятся какие-то начальники из Роснефти с Ванкора. Кое-кого я там знаю, глядишь, и составит компания для преферанса. Экипаж невелик, и меня это вполне устраивает – того и хотелось.

После выпитой чашечки кофе я расписался в счёте, дежурно улыбнулся остающимся и пошёл к себе, где первым делом зажег зелёную лампу. Потом снял со спутника пять писем, на два из которых ответил сразу, остальные решения отложил на потом. Читать не хотелось. Накрыл «малую поляну» и хлопнул две рюмочки «Хеннеси». Программа вы-

полнена, можно ложиться спать.

Что я и сделал, с удовольствием свалившись на мягкие матрасы.

...Утром, стоя на корме в ожидании завтрака, я познакомился с путешествующими по Енисею новосибирцами: мужчиной средних лет и его женой. С ними плывёт дочка Лёночка семнадцати звонких лет, оставшаяся в каюте, тут ей всё тоскливо, что ни предложи, а мальчишки из команды, судя по всему, её не прельстили, хотя и старались, сам видел. Ну да, в таком возрасте пейзажами не приманишь, если нет коллектива во главе с бешеной путешественницей. Мужчина представился как Владимир Викторович Мазин – доктор технических наук, профессор университета, крепенький, без седины, весёлый оптимист с очень заразительным смехом. Жена его, Марина, была шикарной брюнеткой моложе мужа лет на десять, женщиной под сорок с цепким острым взглядом. Мазины решили пройти на «Темзе» маршрут туда и обратно, так сказать, старожилы судна. Удивительно интеллигентный мужчина на полчаса составил приятную компанию, скоротав минуты голодного ожидания полезными пояснениями, так как по уровню специфических познаний за время водного странствия в пару тысяч километров уже сравнялся с членами экипажа.

– Груза на палубе многовато, странно для такого класса сервиса, видел, как в трюм опускали, да и палуба занята, – заметил я. – Даже банкомат стоит.

Собеседник значительно приподнял палец, словно был сопричастен.

– Особый случай! Мало кто способен подойти к небольшим посёлкам, не имеющим достаточных глубин. Главы администраций Илью Александровича просят, он соглашается забросить. Тем более что всё оплачивается.

Ясно, тот случай, когда непрофильный бизнес оказывается весьма эффективным.

– А зачем им столько дров?

– Уголь нынче дорог, он в белых мешках, скоро их опустят вниз. Вот экипаж и пользуется дрова, параллельно, так сказать, в добавку, – сообщил он. – Ничего удивительного, даже на императорской яхте на старых фотографиях по бортам лежат штабеля дров. Кроме того, они нужны на кухне, там местным высококалорийным углем топить не будешь, быстро прогорит печь. Когда капитан видит на берегу свал подсохшего вынесенного леса, Чубко с парнями бензопилой быстро нарезают лес на чурки, грузят их на борт. Никто в тайгу не лезет, сами понимаете, так что всё очень удобно. Особенно много такого топлива в районах лесных разработок.

За бортом, обгоняя нас, проплывали две самоходные баржи, груженные тем самым углем. Потом Владимир Викторович рассказал, что в царские времена на реке работали каналы до Оби, что-то такое я уже слышал. И каналы эти появились раньше Транссибирской магистрали. В советские вре-

мена всё к чертям похерили, дорогу на север так и не построили, и теперь грузы доставляют в основном Севморпутём, по Ледовитому океану.

На реке царил полный штиль, серая вода лежала слабо колеблющимся зеркалом с пятнами завихрений и небольших водоворотов. Небо постепенно менялось, промозглое сырое утро сменила тёплая безветренная погода с ярким солнцем.

Труба дымила круто, колёса шлёпали. Красота!

Над «Темзой» плыл густой запах свежих булок, шанежек и прочих выпечных вкусностей. Как я мог вчера усомниться в нужности такого ассортимента! Вот они, истинные ценности и соблазны! Голодные дети-знатоки всё наматывали круги по главной палубе, изредка фотографируя довольно однообразный пейзаж, проплывающие баржи и редкие хижинки на берегу. Картину немного оживил спасательный катер МЧС, обогнавший нас на огромной скорости.

GPS я даже не включал, не было необходимости. Возле стойки ресепшн висит большой дубль-монитор штурманского прибора, и пассажиры в реальном времени могут увидеть, где идёт пароход. Игарку мы прошли ночью, следующая плановая остановка – Туруханск, если у капитана на отрезке нет особых грузовых обязательств. Во время завтрака меня растащило, набрал всего вволю и даже с собой прихватил пакет свежих пончиков, щедро обсыпанных сахарной пудрой. Чувствую, с таким соблазнительным питанием к моменту появления на охотбазе я округлею и раздобрею. Делать в таких

путешествиях особо нечего, и если вы не склонны к созерцательному отдыху, то подобный вояж не посоветую. Однако ничто так не лечит тело и душу, как спокойное плавание по могучей реке.

На верхней палубе никого не было: Галина Ивановна своих бандитов сюда не отпускала, вся местечковая тусня шла вниз. Полежав в шезлонге, я, заскучав, спустился вниз.

– Представляете, я уговорила нашего капитана! – бодро проорала заметившая меня училка, цепко ухватив за рукав.

– На что? – молвил я, внутренне ужаснувшись.

– После того, как я показала детям места, где сидели Сталин и Свердлов, их заинтересовали истории про ссыльных и заключённых! – радостно поведала энергичная женщина. – Илья Александрович любезно согласился подойти к одному интересному местечку, про которое вообще мало кто знает, я раскопала эту историю совершенно случайно! Это невероятная удача! Там в 1903 году происходили весьма любопытные случаи...

Очень не люблю, когда меня хватают за руку.

– Поздравляю, – я мягко прервал атаку, осторожно освободив рукав, и энергично пожал её горячую кисть. – Детишки наверняка будут чрезвычайно рады.

– Что вы-ы! Я могу и вам вкратце рассказать, может быть, тогда и вы...

– Непременно, непременно подойду! – с энтузиазмом рывкнул я и поспешил по трапу к себе.

Ничего, скоро капитан освободится, и мы зарядим пушку.

И пальнём в белый свет, как в копеечку. Нужно будет попросить профессора снять всё на видео, выложу для своих в «жежешечке». В предвкушении главного аттракциона дня зашел в каюту, решив немного поваляться. Валялось настолько славно, что я с тоской отметил: катастрофа неизбежна, плюс пять в килограммах. И это в лучшем случае.

Нормально заснуть я не смог, что-то мешало. Скорее всего, ожидание стрельбы.

Лопотали колёса, глухо постукивала машина, в едва открытые окна врвался свежий ветерок: имелся весь усыпляющий коктейль. Через прикрытые веки я видел странный блеск, словно проступающий сквозь сиреневую дымку... какая такая сиреневая дымка? Откуда она тут и зачем? Завтрак же... Сонный мир манил и не пускал одновременно.

Тук-тук-тук-тук... Шлёп-шлёп-шлёп-шлёп... Точно, усну.

Вдруг в мираже всплыло искажённое лицо вечной странницы, умелой губительницы своей беспокойной возвышенной молодости и нынешней замутовщицы детских душ. Галина Ивановна стояла с детьми у правого борта и показывала рукой на берег, близкий настолько, что, казалось, скоро до кустов можно будет дотронуться рукой... травка, березовая шелуха на полянах, прыгающие солнечные зайчики на зеркальной воде... А вот и недовольное лицо капитана, не хочется ему отступить от тонкой красной линии, выверенного

безопасного судового пути, записанного и вычерченного на карте монитора приборами локации и навигации. Слово ба-бе дал. Сервис. После ритейла самый тяжёлый бизнес, особые технологии работы с клиентами.

Я неожиданно для себя рывком сел и широко открыл глаза.

Что за чертовщина!

На меня клонилось сразу всё – обшивка, мебель, крючки на стенах, все эти переборки и настилы, кранцы-шманцы и шпангоуты, ригеля, плиты и бимсы, шлюпки и брашпиль, в общем, вся судовая канитель сразу.

– Что я пил? – с трудом вырвалось из лёгких.

Тряхнул головой. Всё на месте. Тук-тук... Тук... Стихло.

И тут по каюте прошло-прокатилось эфемерное туманное «зеркало».

Сиреневое, точно того цвета, который только что примнился в странном забытьи. Я успел отметить на промелькнувшей плоскости какой-то росчерк, что-то вроде ровного косога надреза или царапины. Словно огромный стеклорез поработал.

И опять на каюту упала тишина, предельная, пугающая... и вместе с тем бесконечно спокойная. Чёрт знает что! Наш гордый пароходик вдруг задрожал, словно от напряжения, двигатель заработал чуть громче, меняя тон и тембр, как это бывает в самолёте, когда на посадке наконец-то раскладывает уши, вновь зашлёпали плиты, зашумела за бортом вода.

Я почувствовал слабое ускорение – «Темза» рванулась вперед, как раненый зверь из плена.

Мне стало жарко. Как-то резко, но не болезненно и не по-страшному. Тупо жарко, чисто температурно, словно за окном заработал огромный фен! В какую-то дикую пустоту мыслей и ощущений врывались запахи. Влажные и пряные ароматы крупных белых цветов. Вот пахнуло чем-то вроде мёда и хмеля. К ним присоединялся необычный для Енисея запах болотной рыбы, подгнившего дерева и прелого сена.

Судно начало снижать ход до самого малого.

– Баковым на бак, ютовым на ют, наблюдать! – заревел динамик громкой связи столь грозно и громко, что я не мог не вздрогнуть.

Приехали.

– Боцман, к футштоку! Судовому врачу на главную палубу, осмотреть детей!

Да что там такое произошло? Сев на кровати, я почувствовал, что ножки-то слегка онемели, испугался ты, брат. А чего?

И тут прозвучала команда, окончательно вырвавшая меня из полузабытья.

– Ростоцкий Герман Константинович, срочно подняться на капитанский мостик!

Похоже, приплыли.

Глава 2

Дислокация, так сказать

Меня подбросило, словно ударом молнии.

Вскочив, я сразу отметил, что в каюте становилось просто жарко, голова закружилась, секунды две инстинктивно смотрел на шкаф, где стояли нераскрытые футляры с оружием, решил, что время не настало – ничего пока не ясно, – и метнулся наверх, даже не подумав закрыть за собой дверь. И почти сразу вернулся, со злыми словами хватая из зарядного стакана «экстримку» – вперёд! Нёсся, как раненый лось, старательно не глядя по сторонам, только под ноги.

– Малый ход!

Кто-то закричал, потом ещё раз, завизжал тонкий девчачий голосок.

Чуть не сорвав дверь с петель, я выскочил на палубу, пытаясь не замечать изумрудного отсвета в краешках глаз, простучал ботинками по трапу и только в рубке поднял голову, уже представляя, что увижу вокруг.

«Темза» медленно ползла по небольшой тропической реке.

Раз в пять уже Енисей в актуальном течении, это даже не река, а речка, особенно в контрасте. Тропики, бляха! Правый берег, изгибаясь впереди, проплывал совсем рядом, словно

охватывая корабль. Несомненно, это тропики... Что тут думать и гадать, такое зрелище ни с чем не спутаешь, если раньше видел. Капитан смотрел на меня растерянными глазами. Впрочем, поняв это, он быстро отвел взгляд и попытался войти в кондицию, нервно проводя рукой по короткой бородке.

Чёрт, как плохо-то.

– Можно я присяду? Что-то мутит.

Он кивнул.

Сглотнув, я посмотрел на столик в поисках графина, не помешал бы.

– Я вас вызвал... Вот. Признаюсь, помощь и советы погибшего, опытного человека сейчас очень пригодятся, да... Посоветуемся! – нахмурившись, пробормотал быстро проходящий в себя Самарин, безнадежно поглядев на синие экраны.

На главном мониторе тонкой жёлтой линией всё ещё обозначен предполагаемый маршрут следования судна, вот только контрольных меток на экране не было, смыло их. Экран просто хранил память о намерениях. Угадал, приплыли.

И мне надо бы встряхнуться.

– Тоже обалдели, товарищ капитан? Я-то уж точно, тут до инфаркта недалеко.

Капитан несколько расслабился и обмяк.

– Шутить изволите, уважаемый? А что ещё остаётся де-

лать! Небывальщина. Вы фантастику-то почитываете? Во-во. Кстати, рацию уже поставил на сканирование. Как там ваши спутники?

Я очнулся и торопливо включил спасительную чёрную коробочку моторольской сборки, которая меня никогда не подводила, надёжная система.

– Пусть разогреется.

Тем временем капитан после остановки дал задний ход, «Темза» медленно поползла вдоль зелёных берегов. Время шло, капитан злился, я ни о чём не спрашивал. Прокатившись по речке пару раз вперёд-назад, капитан выругался и заявил:

– Нет тех ворот, пропали, падлы.

Значит, всё-таки были ворота. Сиреневые. Вскоре стало ясно окончательно: здесь в обратку не отыграем, система ниппель...

Наконец он решился.

– Что видите? Есть толковые мысли?

Вопрос на все сто, как тут отвечать? Подумав о том, стоит ли высказываться так рано, я с неохотой выдавил:

– Ориноко в верхнем течении, немного похоже. Или стойкая ассоциация...

– Бывали там? – с неподдельным интересом быстро спросил он. С особым интересом, между прочим, практическим, а никак не праздным, что было бы естественным ещё час назад, случись тогда разговор по теме.

– Бывал в одной авантюрной экспедиции лет... пять назад? Ну да. Или Меконг, тоже повыше.

Буйная зелёная растительность по берегам нависала над водой. Поднятая кораблем волна ещё набегала за кормой на землистый край невысокой береговой террасы, подмывая жирную землю. Никаких полян, площадок и тем более полей. Мутная вода тропических рек и джунгли меня несколько не манят, одного испытания хватило.

– Тоже бывали?

– Да я много где бывал, Илья Александрович... Здесь вот не бывал.

А вода в реке коричневая, мутная, ничего общего не имеющая с суровым свинцовым течением студёного нижнего Енисея.

– Мне напомнило реку Квай, мы туда с женой на экскурсию в прошлом году ездили, на слонов смотрели. Катались даже, – сообщил шкипер. – Только эта чуть пошире будет... Или такая же. В Таиланде тоже были?

– Нет. Всё собирался поехать, да что-то не клеивалось. Вот и обменялись ценным опытом.

– Обратите внимание, выскочили из этих ворот по течению. Назад, так сказать, пошли.

– Значит, скоро Игарка.

Кэп только хмыкнул.

Я заглянул вниз на правый борт. У лееров на корточках сидела судовой врач, тыча в лицо учительке ваткой с нашаты-

рём. Рядом стояла открытая объёмистая медицинская сумка с красным крестом на белом круге. Дети толпились рядом и, растерянно перешёптываясь, с тревогой смотрели на предводительницу и белый халат врача и с явным восторгом – на зелёную реку. Двое мальчишек перегнулись через леера и утащились вниз, тыча пальцами в воду. Пираний ищут.

– Стюардам убрать людей с палубы! – рывкнул динамик над ухом, команда эхом пронеслась по пароходу. – Моторист, сбросить пары, приготовить к запуску дизель! Боцман, осмотр судна и доклад!

Отдав очередные команды, Илья Александрович повернулся ко мне, показывая большим пальцем за спину.

– Коза краеведческая, мать её, довела деда до цугундера! Леший меня дёрнул! Шёл бы и шёл по пунктиру! А теперь попали неизвестно...

Он торопится. Не надо торопиться. Жизнь научила меня не делать резких движений, если нет непосредственной опасности. На нас никто не нападает, технической аварии нет, стихийного бедствия, за вычетом явления неизвестной реки, тоже.

– Стоп! – предложил я, вытянув обе ладони вперёд. – Давайте пока не будем делать никаких выводов, товарищ капитан! Предлагаю мыслить абстрактно, так сказать, фоново, решая действительно насущные проблемы. Всё остальное позже, когда мутная информация оформится в конкретные посылки.

Мне сейчас очень не хотелось делать выводы. Никакие. И даже сиреневую картину вспоминать не хотелось, рефлексии это. Сейчас они не нужны и не важны, так как ничего не определяют. Сейчас нужно действовать практично, эффективно.

Капитан задумался, перевёл взор на приборы. А что на них смотреть, они от взгляда не оживут. Хотя эхолот работает. Что потеряно? Радио и локация.

– Во всём остальном корабль комплектен, готов к эксплуатации, – произнёс я вслух, и Самарин меня понял. Он вообще умный мужик, опять повезло.

Не хочу опять на Ориноко. Как вспомню всю ту аферу на лёгком катере...

Маршрут дикий. Зачем выбрали такой, я до сих пор не понимаю. Оранжевый спасательный жилет и паспортный контроль: вот две ниточки материальной связи с оставшейся далеко позади нерусской цивилизацией. Если уж турист сгниёт где-то в джунглях, то власти будут знать, кто он и откуда прибыл, а коли захлебнётся в мутных водах, то быстро будет замечен в низовьях и опознан с высылкой повестки.

Заполошные крики вертлявых обезьян и дурных попугаев из окружающих джунглей, яркие зеленые змеи с полосочками, то тут, то там разместившиеся на низко свисающих ветвях деревьев, заросшие водным гиацинтом заболоченные берега и неожиданный всплеск воды у самого борта маленького катера, когда голодные кайманы начинают охотиться за сво-

ей добычей. Чудовищная сырость, москиты летучие и ползающие, грязь, гнилая вода... На башку вечно что-то капает, а то и льётся.

Вечерами на стоянках было не слаще. Лежишь в гамаке, вроде всё в кайф, вокруг свои, тишина, видно берег реки в отсвете трёх костров, кривое бревно плывет... и вдруг внезапно что-то громко зашуршит в траве под тобой, в зарослях пронзительно закричит убиваемый зверь... И снова тишина. Но тебе уже как-то не ложится. Мужики смеялись, кто искренне, кто через силу, а известный шутник Маркелов рассказывал, что у нас велик шанс нарваться на боевой отряд диких гуарани, живущих поблизости. Индейцы эти ходят в стиле ню, жрут грязевых червей и мочат чужаков из других племён, а заодно способны зашибить и подвернувшегося под копьё гринго. Повсюду ползают слизняки и пауки, в траве спят анаконды. Если честно, я их там ни разу не видел, но ждали мы их постоянно. Даже на редких прибрежных полянках не было и следов ожидаемой пасторали, земля покрыта густым и высоким травяным ковром, и кто там под этим покровом живет, только местным духам известно.

Однако именно подобный пейзаж сейчас и наблюдаем.

Ну, может, малость посуше и чуть поприветливее. Рассказывать же об этом вслух пока категорически не стоит, к чему людей пугать.

– Четыре восемьдесят глубина, в принципе, нормально. Хоть с этим повезло... Так что там у вас со спутниками?

– Шестьдесят шесть штук производитель гарантирует, – вспомнил я язвительно. – Жаль, ни одного не видит машинка. Похоже, небеса не на нашей стороне.

– Верно подмечено! И эфир молчит. Значит так, принимаю решение – находим подходящее место и будем стоять, пока хоть с чем-нибудь не определимся. Наобум идти никак нельзя, негодное это дело, опасное. А у меня люди.

Я только кивнул, а что тут можно посоветовать? Действительно, нужно тему переварить. Жарит-то как! Переодеться надо, причём уже срочно, буквально обтекаю. Не по сезону ты прикинут, как выясняется, путешественничек, чувствую, сукнишко тебе ещё долго не пригодится. Внизу опять кто-то пробежал, матрос на носу опустил бинокль и что-то торопливо ответил невидимому мне человеку. Боцман всё медлил с докладом.

– А давайте хотя бы по именам, Герман, обстановка располагает. Вам сколько годков, извините за бестактность? – противоречиво предложил капитан, закуривая.

– Неуклонно катит к сорока, давайте, – согласился я, заранее зная, что по именам не получится. – Не против, обстановка действительно экспедиционная.

– В Норильске живёте?

– Нет, чаще всего в Москве, реже в Красноярске. В Норильске у меня лишь лежбище для скоротечных наездов.

А вот и графин!

– Вы, Герман, наверное, записной экстремальщик, – с

авансовым уважением предположил Самарин, – хотя это несколько необычно для столь состоятельных людей.

В этот момент я опустошал стакан с водой и потому чуть не поперхнулся.

– Упаси, господи! Никогда не страдал подобной дурью. Я, Илья Александрович, ценитель комфорта и уюта, и уж если влипаю по милости друзей в подобные ситуации, то стараюсь делать выводы на будущее... Путешествия по новым местам, экзотические охоты и рыбалки вовсе не подразумевают необходимость делать всё это в первобытных условиях, тут мы пас.

Особенно распространяться по теме не хотелось. А ему хотелось.

– Так это ж когда деньги есть!

– Совершенно верно, – легко подтвердил я. – Бытие безденежных странников меня не интересует, пусть месят грязь вибрамами, поют с голоду про «лыжи из печки торчат», носят трехпудовые рюкзаки, не моются неделями и кормят комаров. А вот насчёт чуждой такому увлечению состоятельности вы несколько не правы. Многие из богатых людей действительно экстремалы. Знаю таких.

– Погоня за новыми ощущениями?

– Пожалуй, так. И падают, и бьются, и тонут.

– Как-нибудь расскажете.

– И вы обещали, – через силу улыбнулся я. – Про какого-то Джозефа.

Расскажем, всё расскажем, спорить не надо. Джунгли, как известно, не место для дискуссий. Смотрим, думаем, готовимся.

Паниковать рано. В сущности, «непроходимость» континентов давно уже не та, что существовала во времена поисков конан-дойлевским книжным Челленджером своего знаменитого «Затерянного мира». Тропические леса на огромных пространствах вырублены – сам видел, пампа прилично, а местами и вполне цивилизованно обжита, а сельву прорезала Трансамазонская магистраль. Тем не менее, странствие по рекам Южной Америки или Камбоджи по-прежнему остается рискованным предприятием, но для путешественника другого пути нет, в условиях бездорожья и непролазной лесной задницы реки – единственные артерии для желающих проникнуть поглубже. И там тоже нет сотовой связи.

Но эфир-то везде живой, по всей планете, на то он и эфир! Спутники летают...

О чём ты вообще! Ты на что надеешься? Последние белые пятна остались на плато Путорана и окрест, всё остальное уже помечено и прибрано! Какая Южная Америка, что вообще должно произойти, чтобы ни единого спутника не висело в небе? А если прибор глючит? С чего бы? Ночью ловил исправно.

Главное, конечно, именно эфир, тут всё будет без обмана, радиоприёмников на судне хватает. Капитан, бросив крутить самолично ручку второй станции, посмотрел на эхолот, тро-

нул джойстик, после чего встал и подошёл к выходу на крыло мостика.

– Остынем, подумаем... Я ещё понаблюдаю, конечно... Пока радуется одно – солнце стоит на своём месте, но совершенно не соответствует широте и, естественно, бортовому времени. Остальная астрономия дислокации пока не ясна.

«Дислокация»... креативно!

А что, хорошая замена избитому литературному понятию, думать о котором не хотелось, и уж тем более произносить вслух. Мы, значит, «дислоканты» будем.

Тут я кое-что вспомнил и сразу же озвучил:

– Между прочим, клятый мент и ваш штурман остались в Туруханске, так и не попав в этот шикарный круиз.

– Жалеют страшно! – дед с каким-то безумным весельем глянул на меня. – Да и ну их в корзинку дырявую, разнылись бы сейчас... Хотя пистолетик ментовской нам бы нынче не помешал.

В рубку бодро заскочил шалый боцман Чубко, уже успевший скинуть с себя всё, кроме закатанных по колени брюк.

– Всё нормально!!! Никаких отказов!

– Миш, не ори так, а, – поморщился шкипер, садясь на место. – Детвора цела?

– Все целы, на! Экскурсоводша очухалась и рвётся наружу, хочет изучать флору и фауну! Закрыта до особого распоряжения в каюте под угрозой помещения в трюм!

Вот так вот! Я с восхищением поглядел на бодрячка. Раз-

бавлять столь славный коллектив нытиками-ментами и непутёвыми штурманами действительно сущий грех.

Капитан милостиво махнул рукой, но боцман явно ещё что-то хотел сказать.

– Что ещё?

– Шеф, ета... эхолот же работает справно, чё мне там с палкой стоять, как будто я аист, я лучше пойду пресную воду перекрою! Щас сольют в душе пассажиры, и капец!

– Эт ты правильно удумал, сынок, вода тут явно ни к чёрту... Наблюдателей оставь, сам иди, всё едино, сейчас останавливаться будем. Што? Почему кормовой стоит без бинокля! Быстро!!! Переодеть всех! Чтоб с уборами на бошках! И сам голый не ходи, сгоришь за пару часов!

Боцман энергично кивнул, быстро подтянув штаны, собрался на выход, но тотчас был остановлен заливчатским матом.

– А-атставить!

Тот замер, изящным балеруном придерживая дверь ногой.

– Наблюдателей после остановки снимай, мы тут и сами с Германом посмотрим, – уже спокойно продолжил Самарин. – Запоминай! Ярика бери себе... Натянуть штатный тент над кормой главной палубы, во всю длину. Мешки с углём двигайте в тень, давление в RIB сбросить. В каютах приоткрыть окна, чтобы чуть сквозило. Скоро тут так всё нагреется, мама, не горюй... Пищевые отходы сразу за борт, наде-

юсь, дальше их станет поменьше. По пути заскочи к Алие, скажи ей, что обед отменяется до утверждения мной аварийной раскладки, за ней срочная ревизия продуктов. Пока определить питьевой режим как неограниченный, но исключительно из бака, где титан стоит. Механику с кочегаром – проверка силовых агрегатов и бортовой электросети с последующим докладом. Как всех разгонишь, приходи сюда, поговорить надо будет. Вот теперь жми, Мишка...

Тот снова кивнул, но опять задержался, тихо бросив:

– Илья Александрович, да вы не беспокойтесь, всё сделаю в лучшем виде. Себя только поберегите.

– Брысь!

Вскоре «Темза» замерла, остановившись ближе к правому берегу.

В джунглях с правой стороны ещё не сильно, но уже орало и кукарекало, окружающая среда обвыкалась к появлению нового чужеродного предмета, присматривалась, размышляла, что с нами делать: сожрать сразу или пусть плывут пока? Я не видел никаких живых существ, но слышал, как скрипят ветки, а в вершинах деревьев раздаётся тонкий писк неведомых тварей. А вот и первые птички начали взлетать над кущами!

– Плохое тут место, вот что я скажу, ни пляжика, ни камешка, ни скалы. Обзор ни к чёрту, нужно другое искать, – приглушённо заявил шкипер. – Торчим посреди реки, как пупы курортников на жаре.

По синему небу еле двигались пятна мелких белых облачков, солнце палило всюю.

Мне хотелось сказать что-то полезное, да слов не находилось. С левой стороны вдалеке за береговой линией, в туманной поволоке высились горы, на некоторых остроконечных пиках белели снежные шапки, и это точно не Сыверма, южный отрог плато Путорана. Это гораздо круче, во всех смыслах.

– Как думаешь, Герман, крокодилы есть?

– Думаю, да, – что тревожило, то и сказал. То самое полезное.

– Твою ж ты мать... И пираньи, поди, водятся? Эх... Вот ведь гадская канитель. Ладно, ты давай переодевайся, потом и я схожу. Ещё к докторше заглянуть надо.

Тут мне вспомнилось нечто по-настоящему полезное!

– Надо бы в срочном порядке просмотреть грузовые накладные, вот что. Да и в принципе, пора потрошить весь сторонний груз к чертям собачьим, мало ли что там из пригодного найдётся.

Капитан на секунду замялся с ответом, не привык он чужое брать, не то воспитание.

А вот у меня – то. Настало время жёсткого выживания. Это уже не чужое имущество, это теперь просто материальный ресурс, который нужно использовать с максимальной эффективностью.

– Все возможные издержки, в том числе и судебные, беру

на себя, так что вы не беспокойтесь, если что.

Он ещё подержал паузу и сдался.

– Лады! Кстати, мы же в Сухариху груз для аптеки везём и артельным что-то путящее! Посылки какие-то передали с почты. Вскроем, если потребуется, а накладные у меня в каюте, суперкарго не имеем, так что всё сам веду...

Переоделся я быстро.

Естественно, никакой особо летней одежды я в осенние горы брать не собирался, но кое-что в саквояжах всё-таки нашлось. Футболка светлая с какими-то глупыми антилопами – годится. Шорты просторные, это, чтобы по базе ходить... То, что надо! Ботинки у меня лёгкие, кожаные, а кожа вещь такая, универсальная, она и зимой, и летом себя отрабатывает. Стельку тёплую нужно бы убрать, да носки полегче найти... Но лучше сандалии, вот эти, бивачные! Нацепив сверху ремень, выбрал нож. Решив, что «северянин» пока не нужен, я пристроил подаренный год назад пафосный Randall-5 с шестидюймовым клинком и компасом в торце рукояти. Зачем он там нужен, не знаю. Для похвастаться! Опять надел шляпу за неимением никакой другой – не шапку же полартечную натягивать.

Оглядел себя в зеркало и остался почти доволен. Морда чуть напуганная, плохо, ты это брось... Не через такие страхи проходили, не такие стрессы испытывали.

Короткие тёмные волосы упрямо стояли дыбом. А мы их

пригладим водичкой холодной из графина – в магистрали уже не текло. Тюнинг нужен? Светлые брови оставляем, усы сбываем, не тот климат.

Всё вроде? Нет!

На этот раз я расчехлил два футляра и положил на кровать болтовую винтовку SAUER 202 калибра 9,3×62 в люксовом исполнении и бенеллевский гладкоствольный полуавтомат Vinci-760, самую свежую покупку. Специально для России штучка сделана, по запросам трудящихся масс. Достав патроны, чуть суетно зарядил оба ствола, на гладкий поставив самый большой, девятиместный магазин, а в «винт» – пятиместный. С собой взял гладкий, на этот раз тщательно закрыв дверь.

– Не зря я надеялся! – обрадовался дед, глядя на новенькую «винчу». – Так и понял, что на охоту собирались! Может, и ещё что-то имеется?

– Имеется, болтовой «Зауэр».

– Живём! Пойду-ка тогда, заодно и свою красавицу принесу, – шкипер решительно шлёпнул по коленкам и встал. – В общем, так, Герман. Делать ничего не надо, просто смотри в три глаза. Вот кнопка громкой связи, рации... ну, тут пока мёртво.

– Посмотрю, посмотрю.

Оставшись в рубке один, я поставил ружьё в угол, недолго попялился на приборы и вышел на правый мостик. Жаркий и душный ветерок обмывал тело. Солнце – зверское, пока

нужно находиться в тени, мази от ожогов я что-то не прихватил. А вот очки солнцезащитные есть! Почему не надел? Потому что суеты лишней много. Соберись, соберись!

Ещё одна проблема: скоро у всех начнётся тяжелейшая акклиматизация. Да и аллергии вполне возможны, причём самые неожиданные, нужно будет предупредить врача. Впрочем, не мне советовать доктору.

Дыхание пора перестраивать. С подъёмом температуры над рекой постоянно стоит то ли туман, то ли дымка какая-то, кажется, что это облака так низко плывут. Объективно – красиво. Вокруг просто сказочный The Emerald Forest – Изумрудный лес. Только оказаться в нём не хочется.

По трапу торопливо застучали чьи-то мелкие шаги, в левую дверь влетел какой-то вихрастый пацанёнок из числа знатоков-краеведов и с ходу заорал благим матом, бешено выпучив глаза:

– Дяденьки!!! Дяденька миллионер! Там Ленка чудовищу страшную увидела!

– Чего-о?! Где!

– В тех кустах!

Я опрометью кинулся в рубку и выскочил на крыло уже с ружьём, торопливо досылая первый пулевой патрон. Стена густого кустарника стояла неподвижно, всё так же надёжно скрывая свои джунглические тайны. Сердце нервно застучало.

– Ты сам заметил что-нибудь?

– Ага! Уже когда оно пряталось. Кусты зашевелились и затрещали, как после прохода носорога! – деловито сообщил пацан.

– Вот как? А носорога-то видел когда-нибудь живого? – я попытался педагогически улыбнуться, да не получилось.

– А как же! – фыркнул юный следопыт. – С бате́й в прошлом году по турпутёвке в Кению ездили.

Ну и времена настали, все ездят, всё знают, подрастают свои Давиды Ливингстоны.

– Не померещилось со страха?

– Дяденька... Я что, маленький? Всё чётко, отвечаю!

Отвечает он... Морду бы умыл, вся в каких-то пыльных потёках.

Тут в кустах действительно хрустнуло, затопало, тяжело вздохнуло, и я сквозь зелень вдруг отчётливо увидел серую бочину огромного зверя, размером никак не меньше носорога. Зверюга постоял так, а потом начал разворачиваться. Ловим!

Оптика мешает! Посмотрел в открытый. Ко второму моему выдоху кусты расступились, на стоящее на якорях судно уставилась отвратительная морда неизвестного зверя! Нет, товарищи люди, это не Амазонка и даже не Африка! Я даже представить не мог, где подобные барбосы могут обитать.

Примерно двадцать метров.

– Стреляйте же, дяденька... – прошипел малолетний провокатор. – Уйдёт!

Более всего эта морда напоминала дебильный лик буль-терьера-переростка. Очень и очень переростка! Ни на башке, ни на носу рогов не было, хотя комплекцией зверюга действительно напоминал африканского рогача! Чудовище вдруг ощерилось, чёрными буравчиками впившись мне в глаза, и чуть подалось вперёд, словно собираясь совершить немыслимый прыжок на борт. Приоткрыло пасть... Ох, мля!

Всё, можно не думать!

Думц! Приклад толкнул в плечо, тяжёлая пуля «брenne-ке» влипла в лоб твари чуть выше глаз.

– Убили!!! – истошно заорал следопыт. – Убили!!! Ур-ря-а-а!!!

Зверь рывком отскочил назад, зашатался, кусты сомкнулись, после чего я явственно услышал тяжкий звук падения грузного тела на грунт. Вот так вот...

Я почувствовал – этот дикий зверь был главной опорой и надеждой мрачного древнего леса, его непобедимой силой и гордостью, на нём всё и держалось. И он пал от моей всесокрушающей пули. Они убиваются! Ничего, ничего... Это нормально! Дальнейшее житиё в этом мире представилось вполне возможным, а в эти секунды торжества победителя даже роскошным! Потому что никто и ничто не может противостоять человеку с ружьём! Моё сердце, чувствуя полное освобождение от минутного страха, вновь открылось окружающему миру – ровному шуму текущей воды, шелесту листвы и затихающим крикам отлетающих в панике птиц.

Топ! Хлоп!

– Что случилось! Кого убили?! – заревел появившийся в рубке капитан, в руках которого дрожало ружьё.

Я медленно покачал пальцем у него перед носом, показывая, что мне надо бы успокоиться, подышал несколько раз, а уж потом, как мог, описал ситуацию, зверя и первые выводы.

– Точно, хищник! – убеждённо крикнул с крыла мостика Самарин, через прицел разглядывая заросли. – Говорите, ни на кого не похож?

Покачав головой, я сел на стул. Адреналин бурлил. Вот это охота!

Тут комфлота обратил внимание на постороннего в рубке.

– Так, а что здесь эта мелочь пузатая делает? Па-ачему не в камерах? Где боцман?! Щас... А ну-ка брысь в каюту!

– Подождите... Жарко же в каютах. И страшно им, – решительно возразил я. – Бесплезно ребят загонять, ломают что-нибудь или подожгут. Лучше определить порядок, пусть выходят, например, только на безопасный борт. Ну, относительно безопасный...

– Детворе на виду опасно, – упёрся капитан.

– Да не обойтись без них, Илья Александрович. Вахты придется стоять, может, и не по двое, а по трое. Людей мало.

– Мало... – вздохнул он, всё ещё уклоняясь от прямого ответа.

– Поставим наблюдателями, пусть у коридорных дверей сидят, что ли, внутри. Стулья, воду, бинокль, если надо.

И шеф сдался.

– Так, шкет, как тебя зовут?

– Лёха! – бодро тьякнул пацан.

– Дуй, Леха, к своим. Настоятельница ваша всё ещё в сан-части, так что бери двух пацанов и идите на верхнюю палубу. Вас же трое орлов? Стулья возьмёте в музкомнате, воду у боцмана. Бинобль держи, старенький, но добрый. Двое смотрят по берегам, третий – посыльным, если что! Потом меняетесь. Всякую мелочь засекайте, ничего не пропускать! Столб, провод, дом, шалаш! Лодка, плот... Я уже не говорю о людях и зверях! Всё писать в свои блокноты, понял меня!

– А девчонки?

– Никаких девчонок! – опять заревел капитан, покраснев, словно варёный рак. – Всех девчонок гони в камбуз, пусть с коком провизию пересчитывают! С блокнотиками!

– Так точно! – залихватски крикнул чертёнок и исчез за полсекунды.

Шкипер тоже присел.

– МР-153. Мурка-мурочка родная, – ласковым голосом пояснил он, положив на стол сначала ствол, а потом и старенький поясной патронташ, который до того момента висел через плечо. – Гусочки, уточки, сами понимаете, попутный промысел.

– Святое дело, – поддакнул я, вспоминая, почему сам не взял сумку с патронами.

– У вас как с боеприпасом? Я свои посчитал, шестьдесят

две штуки, почти все дробовые.

– Пока можно не волноваться, – ответил я.

– Ну и отлично. Да и снаряжать смогём, снасть имеется.

Дверь снова хлопнула, и на этот раз в помещение зашёл профессор. Я сразу позавидовал его простой белой хлопковой рубашке, самая годная нынче одежда. Утирая пот со лба платком, мужчина привалился к углу, глубоко выдохнул.

– Ну и жара... Прошу прощения, коллеги, сразу не смог, давление, знаете ли, скакнуло, отлёживался в каюте. Теперь же к вашим услугам! Ни о чём пока не спрашиваю, просто жду распоряжений.

– Да вы водички-то попейте, попейте! – участливо предложил Самарин. – Какие распоряжения... Стреляем вот по зверушкам, оружие ревизируем. У вас, часом, револьвера завалящего не припасено?

Владимир Викторович через силу улыбнулся, виновато разводя руками.

– Как-то не обзавёлся... Мариночка пока лежит, в себя приходит. Такой стресс.

Какое-то время все молчали.

Рядом в облаках бабахнуло, полыхнуло и снова бабахнуло.

Ого! За боями и думами прозевали приближение грозового фронта. Оторопело глядя, как быстро за окнами меняется цвет небес, мы всё так же молча сидели и ждали. И тут внезапно начался такой ливень, что было уже не до размыш-

лений и наблюдений. Наглядное пособие к тропическому понятию rainforest, – полило, как из ведра!

– Боцман! Пустые бочки под дождь! Всему личному составу, включая пассажиров, собирать дождевую воду!

Вода падала с неба стеной, ничему живому в джунглях не укрыться от неё. Зато стало гораздо прохладней, освежающий ветерок ласкал кожу. Я быстро скинул одежду и вышел под прохладные струи, смывая липкий пот. Через минуту ко мне присоединились остальные мужики.

Дрын! Тут звякнуло в самой рубке. Самарин, одной рукой поправляя синие трусы в облипочку, другой схватил со стены чёрную телефонную трубку, старую, из формальдегидной пластмассы.

– Что? Нина? Да я вижу, что дождь! Какая ещё ангина? Ах, ангина... Нинок, ты давай не командуй там особо! Да ладно, ладно, я всё понял, сейчас распоряджусь. А уж на палубе ты следи. Простынут, не простынут... Всё, отбой!

Тут же схватил микрофон.

– Боцман, обеспечить наблюдателей плащ-палатками!

– Может, вообще их отозвать? – осторожно предложил я.

Шеф вздохнул, поиграв морщинами, глянул на нас, вздохнул опять и сказал в коробочку цвета слоновой кости:

– Отставить плащ-палатки! Наблюдателей снять, отправить на сбор воды!

Нравится мне, когда человек быстро и качественно умеет признавать и исправлять свои ошибки. Редкое свойство,

между прочим.

«Темза» стояла посреди невеликой реки в мерцающей пелене падающего водяного потока, поливаемая тугими струями со всех сторон, и казалось, что этот катаклизм никогда не кончится.

– Raining cats and dogs, – прокричал профессор. – Так, по моему, в Америке говорят про такие дожди.

По крыше рубки молотило так, что приходилось говорить громче.

– Ещё оружие имеется? – вспомнил я об очередном главном.

– «Браконьерка» у Зарембы в машине прихована, обычная ижевская вертикалка, – непринуждённо признался старикан. – И мелкан-биатлонка. Балуется иногда поперёк закона, что тут поделать, Сибирь-матушка, традиция.

– Святое дело, – повторил я. – И сам порой нарушаю. Знаете что... Валить отсюда надо. Действительно плохое место.

Неинформативное, если точнее. Мы практически ничего не видим, оттого ничего и не понимаем. Мало данных. Раз есть горы, значит, имеются и долины, поляны, скальные выходы и вообще все положенные элементы ландшафта. Не может тут быть сплошного зелёного ковра, не бывает так вблизи гор.

– Действительно, пора. Тем более что весь подходящий трофей уже выбили, – поддакнул дед. – Так и сделаем, хватит стоять колом. Пусть дождик отыграет, он недолог будет, судя

по всему.

Мне тоже так показалось, слишком уж черна туча, слишком мощна. Телефон зазвенел опять, и на этот раз я довольно долго не мог понять, с кем говорит капитан – тот просто молчал и слушал, изредка поддакивая. Но потом он спросил:

– Девчата до тебя дошли?

С коком разговаривает, с той самой решительной восточной женщиной.

– Надо было, вот и стреляли! Тебя тут ещё не хватает, Альфия, перестань... Ага, давай, – капитан кинул трубу на зацеп-рычаг и добавил: – Это Ишмухаметова Аля, кок, душевная женщина... У нее, кстати, там тесаков здоровенных много, если что. Всё оружие!

С огнестрелом вроде бы разобрались: пять стволов, из которых четыре серьёзных, – хорошо по Сибири плавать! Мелкашка, впрочем, иногда оказывается страшней и полезней многих других стволов.

– Больше ничего нет?

– Ракетница в шкафчике, – ответил дед.

И то плюс.

– А пушку-то заряжать будем?

– Ну что вы, Герман Константинович, честное слово, – от расстройства и искреннего разочарования дед опять перешёл на отчества. – Вспомнили! Какие пушки, разве сейчас есть время для...

Тут он выдохнул и долго не смог вздохнуть, глядя на нас

округлившимися глазами.

– Точно... – похоже, это словечко у Самарина в ходу.

– Вы о чём говорите, господа, не о кормовом ли оружии? – вмешался профессор, в голосе которого стремительно проявлялись восторженные нотки. – Неужели есть, чем зарядить?! Я с вами! Как бывший, так сказать, профессионал!

– Где служили? – деловито поинтересовался дед.

– Противотанкистом по молодости. Не совсем то, конечно, но кровь всё помнит, зов погон и лычек! Готов быть канониром, не хочу быть лишним в бою!

С ума сойти, профессор-артиллерист. Косую шляпу и кожаный сюртук ему! Нормальное дело, мужской коллектив постепенно формируется.

– Так, значит, зовём боцмана, пусть подежурит. Я ему отдаю свою «мурочку», он парень шустрый и меткий, пользы больше будет.

Я тоже задумался.

– Из ружья вы как, Владимир Викторович? Охотитесь там в Новосибирске?

– Можно и просто Владимир, Володя, с вашего позволения... Доводилось, конечно! Правда, последний раз года три назад выезжал. Но все помню.

Опять хорошо.

– «Бенелли» я потом повешу в рубке, как штатное оружие. Как я понимаю, мне придётся учиться шкиперить, правильно, капитан? Если что, сразу к нему и в строй.

Тот кивнул.

– Профессору бы надо биатлонку дать, пусть осваивает.

– Распоряжусь.

– Сам заберу «Зауэр», чувствую, будет тут для него работа. Ракетницу отдаём самому толковому матросу. Вот такие у меня предложения по распределению средств поражения. Механик – браконьер, с ним всё ясно. А кочегар?

– Баптист, – безнадёжно сказал капитан.

Проклятье! Мы с профессором переглянулись. Вот и перестали шириться мужские ряды.

– Не перекуётся? – осторожно предположил Владимир.

Капитан покачал головой.

– Сельва перекуёт, – решил я. – Зовите Михаила...

Через семь минут, за которые я успел заскочить к себе и прихватить винтовку, мы втроём, пробежав короткий участок верхней палубы под проливным дождем, направились к корме.

Её было не узнать. Я боялся, что пушка вымокнет, но ничего подобного – огневое место осталось абсолютно сухим! Над всей кормой простирался огромный полосатый тент со свесами, обрезанными игривой волнистой линией, который капитан распорядился натянуть в первые же минуты после происшествия. Вот что значит опыт и оперативное чутьё.

Дружный коллектив артиллеристов уставился на орудие.

Помните, что я говорил о статусах и рангах? Исключения бывают. Как правило, это временное возникновение особо-

го круга с общими интересами, случается такое – в экспедициях, например, когда все равны, а участникам не до бабок, преобладает более насущное. Сейчас это самое «насущное» очевидно: стремление выжить и сберечь людей. Останутся два ранга – мужчины-воины и все остальные.

Похоже, компания для преферанса всё-таки сложится!

– Кормовой плутонг! – хвастливо заявил дед.

Рядом с пушкой испытателей уже поджидал четвёртый за-копёрщик.

Чуть сгорбленный невысокий крепыш с лицом бывшего алкоголика посмотрел на нас с Володей опасно и недоверчиво.

– При них, Александрыч? – спросил он, передавая биатлонку шкиперу.

– Ну а как же. Свои люди, раскройся.

После рукопожатий механик отдернул бежевую циновку, под которой стояли три белые пластиковые ёмкости с синими крышками на широких горловинах. Рядом – большая полотняная сума. Я никак не эксперт в таких делах, но, как мне представлялось, боезапас должен храниться как-то иначе, в солидных толстых ящиках с надписями трафаретом, в латунных... гильзах, что ли. Или в бочках с тяжёлыми обручами.

– Разные смеси? – на удивление быстро догадался профессор.

Шкипер молча пожал ему руку.

– Вижу спеца сразу. Принимайте командование! Полгода

экспериментировали, из лабораторий ребятки помогали... Вот две разные смеси со стандартными порохами, и меры под них, как вы понимаете, разные. Выгодно, сыпать гораздо меньше. Уголь там, инертный состав какой-то... работает, в общем. Предъяви стаканы, механик!

Заремба распахнул полотняную курточку, под которой он держал три блестящих стаканчика разной величины. С аккумуляторными удобными ручками.

– А вот в этой банке настоящий чёрный порох, старинный.

– Господи, его-то вы где добыли? – вырвалось у Володи.

Капитан хитро прищурился, обменявшись с механиком заговорщицкими взглядами.

– Вы себе даже не представляете, Владимир, что можно найти по заброшенным скитам, заставам и острогам! А я на реке уж почти сорок лет как плаваю... И по всем её протокам. Как говорится, места знать надо!

– Военный порох обыкновенно хранился в металлических сосудах, у которых крышка была снабжена латунной нарезкой и завинчивалась, – подхватил механик. – Хорошо укупоренный и хранимый сухой порох не изменяется неопределенно долгое время, точно знаю. Так что пользуйтесь, канониры... Вот тут фитили, ветошь, пакля, в ящике банник, уксус, приبلуды всякие. Картечи принёс немного, остальная лежит в трюме, размер разный, заберёте. Там же ядра. Ящики дам.

Главарт засуетился, заметался, стараясь осмотреть сразу

всё, в восхищении всплеснул руками.

– Говорите, уже стреляли?

– Стреляли, стреляли, – подтвердил механик. – Кэп... давай я к себе пойду, кое-что проверить надо, а то сердце не на месте. Вижу, вы тут и сами справитесь.

Капитан кивнул, механик удрал, мы сгрудились.

Забыл спросить, а сколько всего того пороха? Подумав, я решил, что у этих ушлых людей его побольше будет, чем три баночки. Когда поинтересовался у шкипера о наличии на борту дизтоплива, то он ответил так:

– Это ж Север! Его уважать надо. Всегда полные баки имею.

То же самое с провиантом – взято на весь рейс. А с учетом того, что два члена экипажа своевременно сдриснули, а восемь пассажиров на борт не взошли... Хороший запас, обнадеживающий.

– А что же вы капсюльную систему не поставили? – поинтересовался я неосмотрительно. – Удобно было бы, наложил, тюк – и готово.

– Не трожь рабочую систему! – сразу взъярился шкипер. – Не было никаких капсюлей, значит, и не надо их! Я с этой-то пушкой еле отвязался при проверках, ходили тут, шупали всякие... Капсюли... Ещё нарезы предложи!

– Предлагаю держаться в рамках заданных условий, – поддержал его канонир.

Осмотр продолжился.

– Непорядок, халтура, что за тряпицы, – заворчал вскоре и Володя. – Надо срочно пошить нормальные правильные мешочки и развесить заряд заранее. Маринку попрошу. Пробойку ещё бы острую...

– Помощники найдутся, у нас девчат навалом, готовые швеи, – на этот раз мягко подсказал Илья Александрович. – Да и вам бы не помешал кто из пацанов, кто побойчей. Вторым номером.

– Подумаем, – солидно молвил проф, входя во вкус. – Резюмирую! Картечью стрелять не будем, нет смысла. А вот три ядра, господа, мне придётся потратить, чтобы хотя бы примерно понять баллистику. Место нужно оборудовать, сиденья, фонарь, может, экраны. Ядра убрать, всё в ящики и под полог непромокаемый, вдруг штормить начнёт. Помощника возьму, одному несподручно, а порой и опасно. Ну что, начинаем?

Мы не спорили, противотанкисту видней.

Вскоре профессор уверенно поднёс фитиль, и пушечка рывкнула неожиданно громко и злобно. Туго так стрельнула, внушительно! Чёрное ядро улетело бодренько, ровно, подняв на удалении фонтан воды.

– Вот так вот! – не выдержал я, чуть не подпрыгнув.

– Непонятно пока... Второй дубль.

Теперь он стрелял по берегу, целясь в сторону одинокого дерева.

Ба-бамц! Кто мне там рассказывал про какие-то зверские

ружейные калибры? Вот где калибр, вот где мощь!

– Мал, да удал, – глухо буркнул дед, отрывая ладони от ушей.

После третьего раза профессор сам себе приказал прекратить стрельбу.

– В принципе, теперь что-то понятно. Тут, как и в любой другой практике, нужен навык и точный расчёт. С расчётом у нас запросто, а навык придёт сам собой. Никого в кустах не видели?

– Да здесь теперь с неделю никто не появится! – неестественно громко выкрикнул шкипер и затейливо, но весело выругался.

Кстати о «никто не появится»...

– Мужики, может, лодку спустить да на берег высадиться? Осмотреть трофей, прикинуть вид, размеры снять.

– Я те дам высадиться! – тут же переобулся капитан. – А если там гнездо?! Никаких высадок до... до... не знаю, короче! Смотреть сначала будем, выяснять, чем и кем лес населён. Всё, амба, не обсуждается!

В наступившей тишине стало понятно, что свирепый тропический ливень прекратился так же внезапно, как начался. Грозовая туча ушла поливать сельву дальше, небо заголубело. А живительная прохлада пока осталась, правда, безжалостное солнце и спадающий ветерок грозили быстро вернуть всё на круги своя.

– Уходим. К новым, так сказать, берегам.

Мы с Самариным ушли, а Владимир остался на корме организовывать тот самый кормовой плутонг. И винтовочка будет на посту, пушка пушкой, а так верней.

Пацана не забыть прислать сразу, того самого Леху.

С крыла капитан заметил одного из матросов, поманил к рубке и, когда тот подошел, достал из-за шкафчика большую чёрную ракетницу в облезлой кожаной кобуре.

– Держи, Сашок, личное оружие, головой за него отвечаешь. Двенадцать патронов всего, больше нету, так что трать по уму, только по делу, в пасть зверю.

Я повесил винтовку на опустевший крюк и плюхнулся в качалку.

– Оживляем системы, – объявил Самарин.

...Лопасты били воду, труба дымила чёрным дымом – «Темза», крадучись, продвигалась по реке, проходя поворот за поворотом: меандрировала речка изрядно.

– Так и будем пока на дровах идти, солярку поберегу, – сразу определил дед. – Семён, левой доверни. Ещё. Хорош.

Глубины эхолот показывал вполне достаточные, воздух чист и прозрачен, но капитан всё равно держал на носу вперёдсмотрящего с шестом и биноклем.

Обеда не было. Ничего, от диеты только польза, жирок накопили. А на ужин наша Альфия точно расстарается. Для проголодавшихся повариха открыла буфет, где отныне подавалось всего четыре вида продуктов: чай, кофе, сахар в пакетиках и два поддона с мучными изделиями. Горячими! Это-

го хватило всем, чтобы не ныть и не горевать по супам.

Часа через полтора пути местность вокруг изменилась: русло реки стало шире, украсилось бело-серыми пляжами мелкой гальки, в протоках – с быстрым, закручивающимся в воронки течением. Но лес всё ещё сплошной стеной стоял по берегам. Несмотря на кажущуюся сложность фарватера, капитан опытно определял судовой ход, гоняя «Темзу» от берега к берегу. Здесь русло реки усыпано множеством островов, некоторые из которых побольше гектара, – один остров кончается, узкая протока, и начинается другой. Посреди буйно заросших островков и галечных мелей то тут, то там встречались груды поваленных деревьев.

Шкипер был предельно собран, требовал постоянного доклада по эхолоту и часто матерился, поминая отсутствие бакенов и створных знаков. Так попутно я узнал, что это такое, хотя, конечно, и слышал термин раньше.

Створы – это парные береговые навигационные знаки – служат для того, чтобы задать судну линию безопасного движения, створную линию. Эти створы так и называются – проходные, ведущие. Их ставят точно по необходимому курсу. Судоводитель целит носом судна по линии, следуя по которой, оба знака «створятся», сливаются в вертикальную черту. Тогда и без навигаторов знаешь, что находишься на рекомендованном пути... Говоря простым языком, капитан в фарватере даже в наше высокотехнологичное время определяет местонахождение судна по створным знакам. А бывают

и ограждающие знаки. Оказался там – сваливай живе́й в сторону и смотри в оба. Не дай боже появится катерок с надписью ГИМС на борту. Там парни резкие, живо маякнут, что и на воде имеется двойная сплошная. Кстати, маяк – тоже створный знак.

В рубке ароматно пахло дорогим табаком.

– Может, трубочку одолжить? – хитро подмигнул Самарин. Я сжал губы и волевым усилием отказался, отправившись на правый борт курить электронное дерьмо, за этим занятием меня и застал профессор.

– Лешку оставил на посту, – пояснил он. – Пообедали только что с женой и дочкой, булочками, очень вкусные, рекомендую. Что-то вас не видно было?

– Нет аппетита. От жары, наверное.

– Бывает. С вами постою, устал с пушкой возиться.

По пути артиллеристы пальнули ещё два раза, осваивая новую профессию.

Начался ленивый трёп о том о сём, и всё шло хорошо, пока к нам не подскочила уже вполне очухавшаяся и набравшая прежнюю жизненную силу краеведша.

– Мужчины! Согласитесь, случилось просто невероятное!

Владимир еле заметно поморщился, а я отвернулся, озабоченно крутя головой, захлопал по карманам шорт, словно что-то забыл в каюте.

– Да вы послушайте, неужели вам не интересно!

Стало ясно, что малой кровью не обойдётся, придётся по-

терпеть.

– Я уже всё выяснила! Знаете, как это называется в научно-фантастической литературе? Попаданство! А мы с вами попаданцы!

– Дислоканты, – машинально поправил я училку.

Потом она принялась рассказывать, что видела в последний момент пребывания в родном мире. Вот это действительно интересно, мы прислушались. Оказывается, когда капитан начал выходить к тому месту, где Галина Ивановна собиралась что-то показать детям, прямо над водой перед судном неожиданно появился косой крест.

– Тонкими такими линиями в воздухе, едва мерцающими! И всё это в сиреневой дымке, как мистические квадратные ворота! Капитан пытался затормозить, но у него не получилось, прямо внутрь вплыли! Ох, мне уже нехорошо. Даже плохо, мужчины, поддержите даму под руку... Как только вспомню, сразу плохо...

Вот такую косую линию я и увидел в каюте, самый край.

Прорез. Крестообразный прорез в другой мир посреди реки. Как это ни удивительно, вполне земноподобный, шкипер настаивает на этом, утверждая, правда, пока без инструментальных замеров, что солнце ведёт себя штатно. Уже успев оценить уровень его интуиции, я склонен Самарину поверить. Ладно, хватит об этом. План прост: нужно найти спокойное и безопасное место для ночной стоянки, а уж вечером можно будет и побеседовать обо всём – в носовой ком-

нате отдыха.

Погода опять портилась, заметно, что степень истеричности у неё здесь высока. При всём увеличении разнообразия ландшафта вид у реки стал тревожным: над водой нависли клубы облаков, с островков к воде склонялись темные силуэты высоких деревьев, к коричневому цвету воды добавился свинец.

– Трудно представить, что в этой воде водится хоть какая-то живность, кроме пираний, – заметил проф. – И черных кайманов.

– Насчёт кайманов и электрических угрей сказать ничего не могу, могут и плавать, а вот про пираний вы зря, – снова вклинилась Галина Ивановна. – Пираньи нападают на человека только в кинобоевиках. В бассейне Амазонки водятся десятки видов пираний, и лишь один из них хищник – красnobрюхая. Встречаются они чаще в аквариумах, чем в реках, и никогда не атакуют плавающих людей. Остальные виды, можно сказать, вегетарианцы. Я точно знаю, не улыбайтесь так, товарищ миллионер! Изучала, правда-правда! У меня на ноутбуке куча энциклопедий!

Как там её Самарин обозвал, коза краеведческая? А ведь стоит прислушаться, тётка, похоже, действительно много чего знает. Но бездумно на веру её слова брать нельзя, слишком увлекающийся человек, у таких красное словцо часто преобладает над взвешенным. Развитию новой беседы помешал сигнал громкой связи и капитанский рык в динамиках.

Гонг!

– Орудийному расчёту к бою! Команде по местам стоять, в укрытиях! Всем с палубы. Ростоцкому прибыть в рубку! По курсу объект, будем подходить!

«Темза», сбавляя ход, осторожно заходила в левую циркуляцию, мы с Володей махом рассыпались в стороны.

В рубке меня ждало Зрелище – впереди была Река.

Настоящая, огромная, вполне в уровень красавцу Енисею! Оказывается, пароход всё время шёл по относительно небольшому притоку. Ландшафт дальнего берега без бинокля угадывался с трудом. Но даже отсюда видно, что вода в большой реке гораздо чище, коричневой мути не наблюдалось.

Второе географическое открытие.

Я настолько впечатлился картиной, что не сразу и заметил тот самый объект, про который говорил капитан.

Это была рыжая от ржавчины небольшая баржа, зарывшаяся в песчаном островке в полукилометре от устья «нашей» речки. Несамостоятельное грузовое судно, перемещаемое буксиром или толкачом, на внутренних водных путях – одно из основных средств перевозки грузов. Надо же, вот это находка! Но отчего-то она не показалась мне столь уж неожиданной, предположение, что мы тут не первые и не последние, возникло в голове много часов назад.

Сам вид баржи впечатлял – фактурой, контрастом с окружающим миром.

Что же, вот и доказательство появилось.

Позади хлопнула дверь, в каюту зашёл Заремба с тряпичей в руках, срочно вызванный на мостик.

– Судя по всему, перед нами наливняк, – сказал он сразу. – Старый, стальной, вполне может быть, что наш. А может, и нет, смотреть надо.

Различают баржи наливные и сухогрузные. Мне бы хотелось встретить именно сухогруз, да ещё с полными трюмами, вполне простительные мечтания. Выглядит весьма заброшенной, хотя утверждать это пока невозможно. Стоит себе тихонько, всё глубже уходя в песчаное дно и обрастая колоритной ржавчиной.

– Во время шторма оторвалась от буксира? – неуверенно предположил Самарин. – И попала под крест.

– Буксир мог проскочить, а эту отрезало и украдо, – пожал плечами механик.

– А почему будка на корме стоит? – спросил я.

– Могли перекрыть с бывшей самоходки, могли самоварную поставить для вахтенных. Для охраны. Разберёмся!

Вскоре стало очевидно, что даже если эта баржа не имеет серьёзных повреждений и готова к эксплуатации, вытащить с мелководья её практически невозможно.

– Илья Александрович, а у вас рации есть?

– Имеются, две уоки-токи простенькие.

– Вот и у меня имеется. Не скажете, почему не пользуемся?

Капитан чуточку смешался.

– Да как-то не привыкли. Пять телефонных точек, громкая связь...

– Орём на всю реку. Не тот это мир, он негромкий.

Дед молча полез в тумбочку за мыльницами и зарядными устройствами.

Ржавое чудовище, обманчиво захлопнув все створки, словно ожидало нас. Словно мы заранее ему чем-то обязаны. Для любителей постапокалиптического антуража – просто бальзам на душу, с этой точки зрения объект эстетически прекрасен. Хватает таких чудачков в так называемом современном искусстве, которые целиком посвящают себя урбанистической эстетике индустриала, вплоть до распада сознания прихреневшего в модных тусовках автора на ржавые болты.

– Приготовиться к отдаче кормового якоря и швартовке! Боцман, к высадке, стрелкам к бою!

Я вышел на крыло мостика с винтовкой и принялся прилежно следить в оптический прицел. Чтобы сразу, если что. Никто не появлялся, не застучали по рыжему железу мятого корпуса страшные когти, не затопали тяжёлые монстрячи лапы. Тишина...

Шкипер сам, аккуратно, даже нежно поджал судно к островку левым бортом там, где темнела глубокая вода. Боцман с «муркой» и ещё один матрос, на плече которого висел моток верёвки, спрыгнули на берег, с трудом вытащили ноги

из вязкого желтоватого песка, опасноливо огляделись и побежали крепить концы. Положили сходни. Я бы тоже сиганул, но по долгу службы приходилось бдить, обводя стволом поверхность потеряшки.

Тоже дислокант, коллеги по несчастью. Ветеран.

К борту подошёл Заремба, кинул наземь лом, поднял сумку с ключами.

– Коля, ты чё? Оно тебе надо? – спросил шкипер сверху.

– Надо. Если мы тут застряли надолго, Илья Александрович, то скоро каждый винт и шпунтик в чистое золото встанет, – мудро отвечивал тот. – Наберу всякого. Цепь какая попадётся, лебёдка, мало ли что найду.

– Ага, понял, про запас! Ты там посмотри внимательно на шильдики, эмблемки всякие с клеймами... картинки... да не морщись, я же так, напоминаю, идентификация ить! – крикнул Самарин и, повернувшись ко мне, начал о другом: – Вечереет, однако. Похоже, тут и встанем, Герман Константинович, вот что я придумал. Ребятки пошмонают вволю, люди разомнутя, до берегов далеко. Дела подберём. Безопасное место, не находите?

– Действительно, вроде тихо. Хотя от бобра добра не ищут. И всё же лучше, чем на бережку, по крайней мере бультерьер не накинется.

Мужики, грохоча ботинками по жестяной палубе баржи, уже что-то откручивали, вскрывали, глухо матерясь и советуя друг другу тактически.

– Кормовой танк вскрывают, – пояснил дед, присмотревшись. – Воды там быть не должно, разве если дождевая через ржу прошла. Пусть разбираются, а уж потом и мы с вами сходим.

– То-опливо!!! – заорал боцман. – Шест какой-нибудь найдите!

Самарин дернулся, подобрался, резко выкрикнул:

– Точне-ей!

– Мазута! Хорошая мазута, годная, не густяк! Флотка!

Капитан по-мальчишески азартно потёр ладоши.

– Похоже, Ф-5... Флотский мазут везли. Точно! Хорошо зашли, встаём!

Позади кто-то осторожно дёрнул меня за локоть, я резко развернулся.

Передо мной выстроился юный Лёха-пушкарь, весь деловой, подвёрнутый в руках и ногах, слегка измазюканный. Уже добыл где-то ножик в ножнах, висит на поясе. Осаночка, руки за спиной. Боец!

– Что такое, хлопчик? – поинтересовался дед.

– Товарищи командиры, у меня донесение!

– Валяй.

– Я случайно заметил, а потом мы с дядей Володей её достали... он меня подсадил. В общем, она в тенте застряла, на самом углу, у стойки, – с этими словами пацан, стараясь оставаться предельно серьёзным, вытянул обе руки вперёд. – Вот.

Это была стрела.

Настоящая индейская стрела сантиметров под восемьдесят в длину, с полосатым оперением и дерьмовым, но железным наконечником. Что характерно, наконечник не кован, а вырезан из стального листа.

Дед не выдержал и выматерился особо изошрённо.

– Плохая эта коричневая речка, – решил я. – Нетолерантная какая-то, агрессивная.

– Коричневая... Предлагаю назвать её «Фашистской»! – яростно бросил Самарин, стукнув кулаком по столу. – Так и нанесём на новую карту!

– Не выговоришь, – усомнился я. – Давайте хоть да Фашки сократим.

– Тогда Аракара! Фашистская речка. Из книги «Секретный фарватер», читали?

– Смотрел. Принято, пусть будет Аракара.

Вот так вот. Вокруг бродят индейцы со свастикой и страшными собачками.

Эх... Косой крест на прошлой жизни.

Глава 3

Акваториальные особенности

По-моему, этой ночью никто не смог поспать спокойно.

Осознав произошедшее, начали плакать дети. Нина чуть с ума не сошла, бегая из каюты в каюту. Потом в депресняк влетели и взрослые: родные, близкие, дом, работа... кошки-попугаи... Конкретно взбрыкнула Леночка, папаша-профессор с женой находились в тихой панике: у дочери, оказывается, есть скрытая любовь в Красноярске, какой-то Виталик. Теперь Леночка громогласно декларирует намерение от горя самозатопиться в Аракаре.

Сущий кошмар. На меня, естественно, тоже накатило, обвал планов, полная непонятка. В голове – несостоявшиеся встречи, невыполненные обязательства, хорошо, что таких мало, за последний месяц подтянул. Вместе с тем возникло странное чувство. Как объяснить... Ну, вот вы захотели, наконец-то, начать жить правильно – припекло. С завтрашнего дня начну по утрам бегать трусцой с целью воссоздания из пепла бесконечных бизнес-тёрок бывшего бодрого феникса. Энтузиазма ноль, но уже надо. И тут, вот ведь незадача, подворачиваете ногу, поднимаясь по лестнице в спальню. Ничего страшного, ходить от джипа к лифту вполне можно. А бегать уже нельзя. Отмаз железный. И так хорошо стано-

вится...

Баржа оказалась румынская. Вполне ещё крепкая и села-то недавно, в особо крутое половодье либо какое-то стихийное извержение с небес, когда вода поднялась выше всех пределов. Снять невозможно, и это не я сказал.

– Значит, Дунай, – решил капитан.

– Значит, имеем интернационал, коллеги, – дополнил профессор.

«Значит, это не локальный сбой, – с горечью подумал в свою очередь я. – Тут уже глобализацией пахнет, соответственно, проблема усложняется: чем сложнее элементы множества, тем трудней найти решение».

Полон был лишь один танк, в остальных сухо, на палубе с уклоном на нос – дождевой воды по щиколотку пополам с растительным мусором. Птички железяку любили, заметно.

Вахты определили тройками. Я стоял с профессором и Семёном, капитан – с Сашком и боцманом. Кочегара с механиком пока не трогали, те весь вечер вкалывали по полной, им и с утра продолжать, пусть отдыхают.

Все трое – в спасжилетах. Но не опасение свалиться за борт было тому причиной, а стрелы. На ночной вахте риски возрастают – возможный неприятель может подкрасться поближе, а видимость резко падает. Правда, у меня есть «теповик», вытасченный из объёмистого саквояжа «со слонами», французский тепловизор-бинокляр Sophie CSF, до 1300 метров опознаёт силуэт животного размером с челове-

ка. Ещё вчера я безмятежно верил, что уж его-то точно рас-
паковывать не придётся... Там вообще много чего полезного
упрятано. И монокуляр лазерного дальномера достал, теперь
он лежит на посту кормового плутонга, артиллеристам в по-
мощь, самый подходящий прибор.

– Уважаемый Герман, как мне кажется, ни экипаж, ни пас-
сажиры ещё не прочувствовали всю серьёзность ситуации,
несмотря на истерики и стрессы, – на втором часу вахты
напарник, напитавшись аурой окружающей тьмы, решился
поделиться опасениями. – Я вот думаю, что будет, если ка-
кая-нибудь водоплавающая мерзость длиной десятков метров
решит нами поужинать? Чем отбиваться?

– Типун вам на язык, Володя! Чем... Импровизировать
будем по мере накопления информации. Да и не всё так пло-
хо, наше вооружение способно остановить слона. Так что
если тут нет динозавров... Но вы правы. Народ не прочув-
ствовал, так всегда бывает. Даже в сорок первом не прочув-
ствовали, что тут делать. И это не проблема русских. Пер-
вая фраза, которую в экстриме произнесёт человек любой
нации и народности, будет такова: «Этого просто не может
быть!» Вторая: «Я не знаю, что это, но оно на нас надвигает-
ся!» Потом последует третья: «Соедините меня с президен-
том!» И только четвертая окажется более-менее продуктив-
ной: «Нам понадобятся пушки побольше...»

– Соглашусь, именно так человек и устроен! Однако в об-
ществе имеются и другие люди, способные действовать мо-

ментально.

– Если не одиночки, то это всего лишь исполнители, торпеды, ничего не решающие, либо решающие с катастрофическими для всех последствиями. Но никогда не руководители. Как наш бодрый боцман, в котором эта жилка присутствует, и уже потому его стоит сдерживать. Подобных генетических героев немного, и они в непонятной обстановке незнакомой среды, как правило, умирают первыми, – отрезал я.

– На том свете сразу попадая в кипящий котёл за то, что оставили женщин и детей выживать в страшных муках! – охотно подхватил профессор Мазин.

Единение душ! Вот и успокоили друг друга, отсекая героизм в сторону, чёрт-те что, чисто трусy! Объективно же стоящий у островка в дельте железный пароход есть пока самое безопасное место из всех возможных. Да и не многое изменится от Осознания.

Механик, правда, предложил капитану ввечеру:

– «Коктейли Молотова» надо сделать, для начала. А с расвета можно озаботиться созданием огнемёта.

– Я те дам огнемёт, баламут! – шкипера чуть удар не хватил. – Не помнишь, как «Таёжный» месяц назад тушили? Бармен, мля! Спалим всё на хрен, а у меня детей целая свора! Где жить будем? Как передвигаться? Здесь дорог нет. Выкини из головы!

Потом они начали прикидывать возможность применения горячего пара – из машинного отделения подвести к залазоо-

пасным местам, эту методику вроде применяли в Аденском заливе, как противопиратскую. И опять ТБ, материалы, которых не имеется, необходимость постоянно кочегарить машину... Много чего попёрло экзотического. Спецы сожалели, что на «Темзе» нет насосов высокого давления типа пожарных, смывающих гуронов с их пока чисто гипотетических пирог, не предусмотрено заводом-изготовителем.

Тут уж я не выдержал:

– Мужики, извините, но вы не туда заходите... Давайте вернёмся к старому доброму огнестрелу! Уверяю вас, какой бы я ни был стрелок, но, начиная с двухсот метров, из своего «Зауэра» успею навалить целый сноп папуасов. Малокалиберная винтовка будет эффективна против человека, тем более голого, начиная с сотни, а уж следом подключатся гладкоствольные ружья со всей их мощностью. Я уже не говорю о кормовом оружии и двенадцатимиллиметровой картечи, которой туда можно насыпать целый кулёк! Есть дефицит нарезного, но тут самостоятельно ничего не придумаем. Да и в принципе, война – не наш метод, это не крейсер, и на «Темзе» далеко не морской спецназ.

На том заседании Генштаба и закончилось. Пока. Механик так просто не сдастся, заводной он человек.

...Под тропическим звёздным небом тёмный корпус баржи приобрел новый облик – зловещий, не думаю, что любители индустриала с восторгом остались бы там на ночь. Незнакомые, по уверениям капитана, созвездия ярко свети-

лись над нами, однозначно показывая, что мы не на родной Земле, хотя с этим полной ясности не было. Дело в том, что Луна осталась на месте – в небе сиял знакомый полумесяц с узнаваемыми контурами поверхности, частично успокаивая души. И солнце привычное. Как сказал Володя, создавалось впечатление, что копию «Солнечного модуля» поместили в какое-то другое место Вселенной.

Просто фантастика.

– А ваши проблемы и представить невозможно, – предположил Владимир, после очередного выплеска проблем своих. Подлил из термоса кофе. – Вам плеснуть?

Экран мерцал, радуя глаз хоть какой-то картинкой, пусть и безжизненной – работала РЛС, периодически просвечивая доступную акваторию. Сашка, прихватив «винчу» и тепловик, опять полез на баржу, дабы проверить сектор мёртвой зоны. Внизу кто-то тихо плакал, то и дело на главной палубе раздавались торопливые шаги. По бортам судна в четырёх местах тускло горели жёлтым светом четыре штатных масляных светильника на выносных штангах, вот и пригодился антиквариат.

Настроение – ни к чёрту. Проблемы, говоришь... да не то слово! Как-то надо отключаться, в таком режиме долго не протянешь. Осознавать, что ты остался в некоем поле бездействия, и теперь ничего от твоих решений, знаний, сил и опыта не зависит, было очень и очень непросто. Невыносимо! Ещё и момент настал критический, когда вот-вот каркас

делового и финансового мира обвалится, я это чувствовал. Меня всегда хвалили за интуицию.

– Акции все эти, биржи, ценные бумаги, – пробормотал профессор.

– Я сейчас не в бумагах, вышел, – как-то машинально отреагировалось, отклик на привычные термины. – Практически.

Набирающий силу европейский необольшевизм напугал всех. Вслед за Кипром экспроприаторы трянули все офшоры, доверие к банкам быстро падает. Американцы умело оттягивают весь инвестиционный капитал планеты на себя, но и это уже не греет – стремление западного мира к тотальному контролю движения и состояния капиталов «в интересах общества» уже не остановить разумом, тут поможет только негативная практика. Участвовать в создании такой практики мне не хочется.

Что не успел продать? Нет, в целом всё сделано правильно. Как ни удивительно, решил оставить часть непрофильных активов, которые отыграют своё при любом кризисе: продуктовый ритейл и соответствующую недвижимость. Торговые сети по узловым точкам высокой проходимости всегда выживут, люди всегда будут покупать еду, это незыблемо.

– А в чём?

– В золоте.

– В смысле, золотые облигации? Не совсем хорошо пред-

ставляю себе... В каком золоте?

Усмехнувшись, я сунул руку в карман куртки и вытащил монетку.

– Вот в таком.

– Можно? – проф полез за очками. – Надо же... Это отечественная?

– «Георгий Победоносец» Банка России, простая инвестиционка. Наивные спекулянты-обыватели иногда называют их «жориками», стараясь выказать как бы пренебрежительное к редкому и малодоступному. Физическое золото.

– Простите, это как выглядит, мешки с такими монетами?

– Ну что вы, просто с собой всегда имею немного... Люблю золото.

– Я слышал по телевизору, что оно недавно падало.

Разговор на знакомые, привычные темы отчасти отвлекал, и я всё ещё инстинктивно цеплялся за ниточки. Согласно кивнул.

– Совершенно верно. Для золота этот месяц оказался самым худшим из всех за последние двенадцать лет. В последний день манипуляторы из США вкинули огромные объемы так называемого «бумажного золота», втоптав «физику» вниз до уровня 1752 за унцию.

– Зачем им это?

Хорошо быть нормальным человеком, никакой подобной хрени не надо знать. Я ещё раз поднял монету, значительно потёр её между пальцами, словно банкноту.

– Смотрите. Это – антидоллар. И американцам обязательно нужно держать перед ним большой красный фонарь. А лучше шлагбаум. Они постоянно манипулируют и подавляют цены на золото, не знаю... лет более двадцати, не меньше. Только, уверяю вас, это уже не изменит картину глобально, ничего у них не получается. Золото, не глядя в сторону ФРС и их британских коллег, постоянно росло, примерно по семнадцать процентов ежегодно. Как мячик, знаете, – чем сильнее его вколачивают вниз, тем сильнее отскакивает. А в последний год рост пошёл взрывной... Процесс необратим, никто уже ничему не верит. Ведь это не золото «дорожает», просто бумага дешевеет. Владелец золота не получает прибыли, он просто не потеряет капитал, это последнее убежище для активов. Остальные потеряют всё, и произойдёт это в течение квартала.

– Многие покупают?

Я пожал плечами.

– Да. Продажи в США монет American Eagle уже установили рекорд двадцатилетия, поставок «физики» не хватает, а спрос на Treasuries испаряется. Китайцы, как с ума сошли, скупают золото под ноль. Всё валится, а американцы не имеют решения, топят всех. Как я думаю, они сейчас просто молятся, чтобы Господь помог удержать ситуацию под контролем.

– То есть будет кризис?

– Кризис... Ещё какой! Суперкризис! Многие считают,

что после него, правда, очень болезненно, вернётся золотой стандарт, а все бумаги уйдут в ад.

Бизнес всё чаще возвращается к идее расплачиваться на сделках золотом. Пока идеи сырые, но американский миллиардер Дональд Трамп уже пробовал брать плату с арендаторов своей недвижимости не долларами, а золотом.

Все в ожидании.

Одна швейцарская компания уже придумала «золотую карту» под названием «комбислиток» – Combibar Gold Card. Карта умещается в стандартном кошельке, весит пятьдесят граммов, изготовлена из золота 999-й пробы и легко разламывается на сегменты весом один грамм – удобное средство расчетов в розничной торговле. Каждый грамм равен приблизительно унции серебра, это около тридцати четырёх долларов. «Комбислиток» – гениальное решение для тех, кто ожидает Всемирного Финансового Обвала, «настоящие деньги», которые всегда с собой...

С баржи внезапно послышался глухой жестяной хлопок, я торопливо выскочил на крыло, включая и разворачивая в сторону заброшенной посуды левый прожектор. Владимир, в свою очередь, пошёл на правую сторону, щёлкнул тумблером – какое-то время два ярких световых луча обшаривали воду вблизи корабля.

Пш-шш...

– Саня, что там?

– Да показалось, к борту подбежал... Всё нормально. По-

сизу, посмотрю ещё.

Ух... Нервная работа. Наконец матрос успокаивающе поднял руку, прожекторы потухли, и на корабль снова упала темнота.

– А что бы вы посоветовали такому обывателю, как я? – профессор вернулся к разговору. – Нет, конечно же, это чистая гипотетика... чего теперь. Просто интересно.

В темноте случайно открытого нами «запасного хранилища планеты» вокруг одинокого судна будто бы теснились какие-то непонятные сущности-призраки, и я с радостью ухватился за то единственное, что могло быть надежным на заброшенном в неизвестность металлическом островке старого мира – разговором с себе подобным. Это родное, это якорь.

– Володя, у вас дом есть? Или дача. А машина?

– И дом с Мариной имеем, и дачу, а машины целых две.

– Ну, вот считайте, что самые разумные инвестиции вы уже сделали.

На палубе опять слышались шаги, каблучки застучали по ступеням, и в рубку зашла Нина, судовой врач. Симпатичная высокая женщина, коротко стриженная статная блондинка с зелёными глазами. Из Самары она, там таких красавиц много.

– Мальчики, вы не будете против, если я с вами посижу? Дети заснули, Марину уколола, Альфия отплакалась... Сил нет, уже ноги не держат, а заснуть не смогу.

Мы нормально так по-мужицки засушались.

– Ниночка, вы в креслице садитесь! – предложил профессор. – Кофейку налить?

Женщина кивнула. Я подвинул качалку поближе.

– Кошмар, вот уж этого я никак не ожидала. Буду писать план работы, а с чего начать, даже не знаю, всё надо делать одновременно. Пора поселковую аптеку вскрывать, моих запасов не хватит, – она устало откинулась, держа в руках чашечку с горячим напитком. – А ещё... страшно одной на верхней палубе. Вас, Герман, вечно нет, и капитана – тоже.

– Нина, давайте завтра обо всём, сейчас просто отдохните, – предложил я.

Согласно кивнув, она тем не менее выгрузиться никак не могла.

– Может, стоит поднять девчонок? В каюту напротив, так и мне спокойней будет.

– Она же маленькая, – предположил я.

– Очень даже просторная! – возразила доктор. – Там тоже люкс, второй. Он меньше, в одну комнату, есть двуспальная кровать и диван, как раз на трёх девчат. Резерв капитана, нужно будет с ним поговорить.

– Какие сейчас могут быть резервы? – Владимир пренебрежительно махнул рукой. – Хорошее предложение, завтра решим.

Уже ясно, что поначалу в темноте часто будем стоять, заранее изыскивая безопасное место. Карт нет, нет глубин и

фарватеров, как ни старайся, первая же мель будет твоей, а ещё можно нарваться на топляк. Так что ночные беседы вахтенным обеспечены надолго.

– Как вы думаете, мужчины, мы тут одни или и ещё есть... дислоканты? – спросила Нина. – Так ведь вы говорите?

Она начала успокаиваться, и пошло женское, «мужчины» вместо «мальчиков».

– Я думаю, что не одни, – уверенно заявил профессор. – Мы знаем, что сюда переместились минимум три судна...

– Я вижу всего два, – заметила женщина.

– Гуроны, как их уже прозвали, выточили наконечник стрелы из куска качественной коррозионностойкой стали, – терпеливо пояснил Владимир. – На барже такой нет, а это с огромной долей вероятности означает, что на Аракаре есть и другие заброшенные суда.

– Хорошо бы при случае вернуться и проверить русло, – несколько абстрактно заметил я. – Правда, возвращаться на Аракару почему-то не тянет.

– Нет уж, нет уж, вытаскивать стрелы мне не хочется! – решительно заявила женщина и принялась устраиваться поудобнее, умудрившись закинуть соблазнительные ножки в качалку. – Знаете... Странное чувство, с одной стороны, эти старинные жёлтые фонари придают уверенности на палубе, а с другой, возникает страх, что нас все видят и готовятся напасть... Знаете, я прямо тут прикорну, под вашей надёжной охраной.

Через пару минут она уже мирно посапывала. Владимир открыл и осмотрел все шкафчики, после чего развёл руками.

– Плед в ходовой рубке не предусмотрен.

– Конечно! И подушка тоже. Пойду к себе, принесу одеяло, – решил я.

Заодно и по палубе прогуляюсь, осмотрю реку. Накинув на плечо «Зауэр», я спустился на верхнюю палубу, а потом и на главную.

После слов докторессы древние масляные фонари действительно показались мне неуместными. Пока я шёл по левому борту, освещая мощным фонарём песок острова и страшноватое железо потеряшки с выпуклыми сварными швами, было ещё ничего. А вот когда вышел на правый борт, обращённый к дальнему берегу, слова женщины заплясали в башке тревожными мыслями. Как же легко мы поддаёмся влиянию! Даже слабый свет масляников, отбиваясь от белого корпуса «Темзы», рассеивался и создавал световое поле, резко обрывающееся сразу за леерами. И вот там тьма была... Тьмой.

«Она права». Недолго думая, я затушил оба фонаря правого борта судна, какое-то время наблюдая, как исчезает граница контраста и звёздный свет начинает выравнивать всё вокруг – вот уже и реку видно, другое дело! Ну вас к чёрту, товарищи гуруны и всевозможные местные монстры, уравнием условия!

Потом вернулся к пушке. Рядом с ней стояла срезанная

бензорезом крошечная будка, снятая с баржи – будущая боевая башня. Шучу, просто укрытие для расчёта, в случае чего, например, от стрел убежать. Её надо крепить и хоть как-то адаптировать, вырезав бойницы. Поставить стулья. Скорее всего, останется одна буква «П», наши технари ещё не определились. Расчёт теперь состоит из трёх человек. В ходе короткого совещания решили, что в случае реального шухера туда подскакивает Заремба со своей вертикалкой.

Пару раз рядом что-то слабо плескало, и тогда я включал фонарь, без особого напряжения всматриваясь в тёмную воду. Успокаиваюсь постепенно, идёт адаптация, привычное дело для бизнесмена.

Стоя на корме, я уже через несколько минут захотел раствориться в этой по-своему честной атмосфере первозданной природы. Неожиданно меня окутало ощущение покоя и комфорта, показалось, что я тут давно и опытно... Усыпанное яркими мерцающими точками небо с поверхностью воды соединял вполне угадывающийся абрис тропического берега, где остались все страхи и неприятности.

Водный мир! Оказывается, он может быть более близким и желанным, чем суша.

Отсюда не слышно пугающих звуков ночных джунглей, и уже оттого легко. Обалдеть, как красиво: темная южная ночь, слияние двух рек, почти полная тишина, ни огонька по берегам, и только море звезд и луна отражаются в спокойном течении.

Ничего, всё нормально. Очень хотелось, чтобы Удача нам немного подыграла, и мы бы смогли неторопливо прогуляться по окрестностям в поисках Прореза. «Пятьдесят на пятьдесят, не меньше, – сказал профессор. – В текущей ситуации такая вероятность наличия двухсторонней системы перемещения есть величина огромная. Поэтому надо, не сдаваясь и не опуская руки, искать «обратный крест».

Когда вернулся в рубку с лёгким одеялом, Нина спала уже провально. Поднявшейся смене я первым делом указал на уютно свернувшуюся под одеялом фигурку, и вахту мы сдавали, шушукаясь, цыкая и передвигаясь на цырлах.

По пути в каюту остановился на верхней палубе, глядя с высоты на ночную реку, и на мгновение во мне вспыхнуло тревожное ожидание: вот сейчас справа от стремнины поднимутся и замигают, качаясь на слабой волне, огоньки секретного фарватера, и из бурой воды Аракары покажется обшарпанный корпус «Летучего голландца», личной субмарины фюрера...

Так прошла первая ночь в новом мире.

«Эльфы выглядели абсолютно свежими, они в отличие от людей ещё с первыми лучами солнца оказались полностью готовы к дальнейшей работе». Не помню, когда и у кого прочитал по молодости, однако после этого перла жанр фэнтези окончательно перестал меня интересовать. Не чувствую в себе подсознательного стремления автора принизить чело-

века и с завистью восхититься иносказочным.

По завершении плотного завтрака невыспавшиеся, по-прежнему уставшие, но слегка успокоившиеся и ожившие люди прослушали на общем собрании краткий доклад Самарина о том, что на данный момент удалось выяснить. Вопросы почти не было, поскольку и выяснить, по сути, ни хрена не удалось.

– Нам нужно не просто выжить, товарищи, а действовать активно, всем вместе, в полную силу и с полной отдачей, – заявил Самарин. – Будем искать выход обратно, или Прорез, как уже принято называть этот таинственный проход. Поэтому убедительно прошу в кратчайший срок справиться с переживаниями и войти в рабочий ритм.

Потом все получили задания и разошлись по вёслам. Задач оказалось очень много.

Девчат переселяли на верхнюю палубу. Канониры на корме возились с будкой. Стюарды убирали палубы. Боецман продолжал методично приватизировать бесхозное имущество баржи. Я с пацанами с помощью аккумуляторной дрели и мотка отождённой проволоки устанавливал на трубчатых леерах металлические экраны, закрывая ими предательскую крупную сетку, через которую легко пролетит стрела. Вскоре мальчишки уже опытно сверлили дырки и закручивали проволоку здоровенным гвоздём.

«Темза» по-прежнему стояла возле островка, механик попросил ещё час.

Тут вот в чём дело. На пароходе имеется четыре ДВС: основной дизель, маленький японский генератор-бензинник, подвесной «Меркурий» надувного «Баджера» и простой старинный дизелёк, спёртый некогда с немецкой спасательной шлюпки и хранящийся Зарембой «чисто на всякий случай, не выкидывать же». Вот его-то он и решил перестроить на флотский мазут, чтобы в дальнейшем использовать, как стояночный генератор. Пять найденных бочек с топливом опустили в трюм, свои же две чистые капитан пока тратить не решился, сберегая их под воду.

– Я лючок танка на профильные гайки закрутил, теперь без спецключа не свернёшь! – похвастался механик в обед после доклада в стиле «Знай наших!».

– Бочки надо искать при случае, – озабоченно произнес Илья Александрович. – Можно будет наезжать и пополняться... Вижу, вы, Герман, имеете другое мнение?

Заметил гримасу, не скроешь!

– Это нерационально. У меня традиционно другой подход. Ну, сожжём мазут в катаниях по реке постепенно... Так есть паровая машина. Собственное дизтопливо держать, как стратегический запас, не расходуя. Бензин для лодки... добудем. Я бы создал тут нормальную заправку или нефтебазу, разнёс бы по рекам и весям рекламу и продавал бы топливо направо и налево, за очень и очень дорого, обменивая на местные ценности и, особо, на нужную информацию. Жаль, что не можем организовать филиал с охраной. И во-

обще опираться только на уже найденное, конечно же, можно, но разумней будет сосредоточить усилия на сборе других ресурсов, которые здесь просто обязаны быть. Имея в распоряжении такое конкурентное преимущество, как паром, возможно осуществлять целевые поиски, фиксировать и группировать эти ресурсы и в кратчайшее время занять доминирующее место на рынке. А он, при условии нахождения на планете и других людей, непременно есть в том или ином виде.

– Ништяки искать, – подсказал боцман.

– Ага, ништяки, мой племянник именно так и говорит! – поддакнул Владимир.

– Чувствуется подход коммерсанта! – восхитился Самарин, а вот механик от таких речей выронил поднятую было сумку с ключами. – Ништяки... что-то в этом есть. Не знаю. А какая информация имеется в виду?

– Известное дело, какая, – спокойно молвил я. – Информация о Прорезе. Наверняка кто-то ищет, причём давно, а кое-кто уже многое знает и понял.

– Если есть люди, – подправил меня капитан.

– Если есть люди, – второй раз акцентировал я. – Но мы ведь верим, не так ли?

На взгорке левого берега стрелки, сразу за границей произрастания группы раскидистых деревьев, на тропической поляне разноцветными пятнами красовались ковры каких-то цветов. Очень красиво. Интересно, змей там много?

Полосатеньких таких.

Утреннее солнце искорками играло в изумрудном ковре джунглей, причудливо ломая свои лучи, а над ними кружили инопланетные пташки, на вид, кстати, вполне земные. Вдоль левого берега над водой низко прошла четвёрка больших жирных уток или даже гусей, вслед за ней пролетела ещё одна стайка. Учítывая, насколько они на реке непуганые, бить их не составит труда.

Час назад Сашка заметил по левому борту группу медленно проплывающих вдоль островка кайманов, их с аллигатором не спутаешь, сразу видно по тупой и короткой морде. Пресмыкающиеся выглядели довольно мелко и страха не вызывали, я сам видел, как некие умельцы руками таких ловят. Тут же созвали народ, и шкипер, передав желающим два переходящих из рук в руки бинокля, с удовольствием характеризовал местную фауну, специально подшучивая, чтобы у наблюдателей пропадал страх – не так уж, мол, всё и сурово. Крупных экземпляров пока не заметили.

Мне же Самарин сказал:

– Главное, Герман, чтобы не было всяческих динозавров, с остальными авось справимся, вот в чём надо убедиться перво-наперво. По результатам и будем подпрыгивать, от страха или от радости.

Потом на холме у стрелки я засветил стадо диких свиней, гуляющих среди цветастых ковров. Они были прекрасны! Полосаты, как зебры, и почти в тех же цветах. Но это имен-

но свиньи, и удержаться на месте я уже не мог. Парадокс – именно после лицезрения кайманов люди успокоились, динозавров пока не видно. Живность необычна, но весьма похожа на земную, особенно уткогуси. И правильно! При всей своей нелюбви к джунглям, сельвам и всем прочим пампасам я хорошо знаю, что жить там можно порой весьма и весьма неплохо, что и наблюдается в том же земном Манаусе.

Тревожная ночь уже не вспоминалась – вот что значит живительный дневной свет!

Мы с боцманом быстро подкачали и спустили на воду «Баджер», шкипер добытчиков перекрестил на всякий случай и, внутренне явно завидуя, решил тоже включиться в добычу ресурса – достал кондовый советский спиннинг с инерционной катушкой; я ни за что не решусь на заброс такой снастью, борода обеспечена.

– Вытяну чего, пока охотитесь, посмотрим, что тут за пелядка водится.

Охотгруппа с двумя стволами медленно, чтобы не поднимать лишнего шума, направилась на выход из Аракары, огибая стрелку. А ведь с большой воды баржу не видно, мыс закрывает! На огромной реке-маме тоже было тихо, лента шириной километра в три несла свои воды с умеренной скоростью, пожалуй, чуть меньшей, чем на Енисее.

Свиньи никуда не ушли. Четыре зверюги рекордных размеров спокойно жрали траву, с пригорка снисходительно поглядывая на подплывающую лодку. А клыки-то какие! Саб-

лезубые свиньи! Судя по всему, ружья они видят впервые, не дёрнулись.

– Секач не нужен, – вслух решил я и перевёл прицел на тушу поменьше.

«Зауэр» радостно отработал, торопливо дёрнул затвор, но всё равно не успел на второй выстрел – всё остальное стадо, даже не понимая, почему рухнула соседка, тупо сделало три шага назад и скрылось в высокой траве. Проклятье! Не умею я быстро на «болте»! Хотел же, когда выбирал, взять себе триста третий зауэровский полуавтомат, да друзья отговорили, мол, если хочешь научиться метко стрелять, бери именно болтовую винтовку! Взял... А мне не нужно очень метко, мне сейчас нужно очень много! Едоков сколько имеем? Придётся ходить на корму и тренироваться в перезарядке и прицеливании.

Свежее мясо... свинина... м-мм!

В воздухе над холмом с присвистом зашуршали крылья низко проходящих птиц.

– Летять! – сорвавшимся голосом пискнул боцман.

Стая крупных утей, вспугнутая моим выстрелом, поднялась в воздух, прорываясь к большой воде прямо над нами.

Бах! Бах! Миша дал первый почти над лодкой, а второй уже вдогон. Бах! Этот патрон зря сжёг, не доставал, видно было.

Четыре штуки! Йх-ха! Пошла жара!

Плюнув на лежавшую неподвижно свинью – ай, молодца,

первым выстрелом по месту попал, без добора! – мы развернулись и пошли подхватывать медленно плывущую по течению пернатую добычу.

– Может, это всё-таки гуси, а? – неуверенно предположил боцман, двумя руками удерживая повыше очередную тушу килограммов в шесть, типа пусть стечёт, меньше воды натечёт в лодку. Наивно это, впереди погрузка свиньи, а там...

– Пусть уж будут утками, в надежде, что местные гуси ещё больше порадуют камбуз своими размерами и количеством мяса.

Забрав эту добычу, вернулись за береговой. Как можно было предположить, свинарник благоразумно свалил.

– Хорошо ты ей, Герман, башку развалил, крепкий патрон.

– Так и не хотел в корпус, кто её анатомию знает. Влупишь по такой наобум, потом всё мясо будет в желчи и дерьме. Посмотрим сначала.

Знаете, я, пожалуй, года два так не ухахивался, как с этой полосатой свиньёй. Килограммов сто пятьдесят живого веса тащили через густые заросли и какие-то коряги, принесённые рекой в высокий паводок, матерясь при этом так, что поблизости вся листва скатывалась в трубочки.

– Может, здесь бутор вывалим? – предложил я метров через десять, без особого интереса разглядывая полоски на шкуре: тёмно-коричневые и цвета слоновой кости. – Полегче будет. Башку можно отсечь, копыта.

– Нам... Такого... Не простят, – тяжело дыша, предупредил боцман, уставший ничуть не меньше моего. – Верёвку, сука, взять забыл! Плохо, когда торопишься.

Не простят, он прав. Изучать будут. На «Темзе» уже сформировалось что-то типа научной группы, куда вошли профессор, Нина и краеведша. У всех троих в ноутбуки закачаны кучи справочного материала по профилю, и не только. У меня тоже баз предостаточно, но, боюсь, в ближайшие лет сто они тут не понадобятся. Хотя как знать.

– Да и Аля... Убьёт, что ты! – продолжил Миша. – Из кишков колбас накрутит, ливер пустит на паштеты. Механик за шкуру зацепится, сразу вспомнит, что его баптист когда-то скорняком подрабатывал... Головизна, опять же, уши копчёные, холодец. Короче, не вариант, придётся тащить.

Без окраски, размеров и клыков – свинья и свинья, пятак знакомый до слёз. Интересно, какие же тут «виннипухи»? Звать по рации подмогу с верёвкой не кошернилось; сами допёрли и закинули тушу в «Баджер», один хрен потом отмывать.

Пш-шш...

– Охотгруппа, вы как? – раздался из моей «моторолы» голос капитана.

– Взяли одну красавицу! Еле закинули. И четырёх уток. Едем!

– Ну, с почином! Я тоже побаловался удачно... посмотрите.

Тушу на борт втаскивали с большим интересом и радостью, а мы с боцманом как бы устало стояли у лееров и снисходительно поглядывали на остальных гражданских, скупно рассказывая слушателям, как трудно записным охотникам бить столь свирепую и смышленную дичь.

Альфия уже была тут как тут, сноровисто командовала девчатами про тазы, вёдра с водой, разделочные ножи, подвесной крюк, большую клеёнку и кучу тряпок – прямо на корме собирается разделывать, сама.

– Всё мясо испортите, – заявила она сразу. – Не помню случая, чтобы охотники всё строго по ГОСТу разобрали. А это порционность! Вот мальчишки пусть помогут, поучатся, скоро пригодится.

Рыбина, которую выловил капитан, более всего походила на огромного карпа. Особой экзотики в облике не наблюдалось, разве что яркая окраска резала глаз, и очень крупная чешуя с перламутровым отливом вызывала ассоциацию с чем-то океанским.

– Не кистепёрая, – первым делом опытно заявил боцман. Знаток реликтовых пород, смотрю!

– А она не ядовитая? – спросил я, уважительно глядя на полупудовый трофей.

– Так вот же... – смутился шкипер. – Хороший вопрос! Механик предложил баптисту дать попробовать, того ничто не берёт. А для страховки – водочку внутрь.

– Чистоты эксперимента не будет, – резонно возразил боц-

ман с не спадающей авторитетностью в голосе. – Под спирт многие ядовитые темы прокатят! Эка хитрость.

– Ну, на основные яды мы с Ниной, я думаю, проверить сможем, – заявил профессор, – а там видно будет. Запах, кстати, вполне нормальный.

На том и порешив, все разошлись. Я же направился на корму, где начиналась разделка, и успел к самому интересному. Повариха, убрав «дыхалку» и бутор, уже вскрыла грудину и теперь через разрез аккуратно сливала кровь в большой таз. Мальчишки стояли рядом, все в бурых пятнах, с ножиками и бледным видом.

– Вот хорошо, что вы подошли! – обрадовалась Аля. – Помогите на крюк поднять, обваливать начнём.

Всем кагалом подняли и закрепили тушу.

– Бардак какой-то, – тихо шепнул Леха, стоя за спиной. – Бойню устроили рядом с боевым постом. Куда это годится? Быстро они тут повзрослеют, быстро.

– А негде... Не на верхнюю же палубу тянуть, – пояснил я так же тихо.

Тем временем Альфия с каким-то азартным огоньком посмотрела на притихший мужской коллектив, спокойно отрезала тонкий пласт мяса и сунула в рот.

Третий пацанёнок, имени которого я ещё не знал, кинулся к борту, перевешиваясь через ограждение. А я только хотел спросить про пригодность дичины к употреблению!

– Вкусно! – резюмировала она уверенно с набитым ртом. –

Что вы так смотрите, отличное здоровое парное мясо, я сразу по запаху поняла. Всё, идите, Герман, по своим делам, не мешайте мальчикам. Итак, детишки-шалунишки, смотрите...

Вот и ещё один педагог появился. И эти уроки станут очень востребованными!

Чувствуя себя полным гадом и стукачом, я заглянул к Нине и сообщил, что повариха уже пожирает свинью, без прокрутки и маринада, живаком. К моему удивлению, доктор ни капли не удивилась.

– Ничего не могу с ней поделывать! У меня ведь комплекты есть для проверки на трихинеллёз и прочее. Мужики наши частенько какую-нибудь дичь бьют на берегу, и каждый раз вот так! В начале сезона кусок сырой медвежатины отведала, представляете? И ведь никогда не ошибается, а порой сразу говорит, что мясо плохое, по виду и запаху. Ладно, сейчас пойду...

– Вы уж меня не выдавайте! – взмолился я. – А то отравит за ужином до поноса.

– Вы всё сделали правильно! – строго сказала врачиха. – Не бойтесь, не выдам, сама сейчас признается.

И она неожиданно подмигнула настолько игриво, что я забыл, куда собирался идти дальше.

...Отошла «Темза» легко, споро, с откровенной радостью, хотя механик долго глядел на ржавую любимицу с грустью. Украли всё, что могли, добыли всех, кого увидели. Кроме кайманов, но они пока не в приоритете.

Вода в большой реке без названия была несравненно чище, чем в Аракаре. Какое-то время бурая лента, получившая свой цвет из-за биологических остатков, которые приток собирает после дождей, текла, не смешиваясь с водой великой, судя по всему, артерии. В этих соседствующих экосистемах разный грунт, разные растительный и животный миры.

Километров через десять дождевой лес начал уступать место более разнообразным и более радующим глаз ландшафтам. Появились обширные поляны на береговых террасах, лес теперь стоял не сплошной стеной, а с разрывами, берег повыше и явно посуше. Пароход пока держался левого берега, шёл медленно, капитан привыкал к новой водной обстановке. Люди отдыхали, да не все.

Матросы надраивали, или как это у них называется, судовую шлюпку. Они, оказывается, рассыхаются, эти шлюпки, причём любые, даже пластмассовые. Трескается и поднимается неаккуратно положенная краска, всякая мелочь. Деревянные же надо не менее одного раза в год циклевать, удаляя старую краску, шпаклевать стыки между досками обшивки, а далее весь прочий автосервис: рихтовать, красить, крыть лаком... Вполне нормальная, на мой взгляд, шлюпка, по мнению капитана, в тропических условиях срочно нуждалась в дополнительной окраске. Версию, де работу для подчинённых всегда найти можно, а иногда, чтобы кадровый состав не мучился от безделья, нужно непременно, я отверг сразу. Некогда бездельничать. Значит, действительно надо.

Гор по берегам не видно, они остались за кормой, на условном севере.

Мимо проплывала неведомая страна – широкая равнина с огромной рекой. Необъятная дикая глушь. Здесь есть пустынные, бескрайние пастбища, таинственные горы и притаившиеся в дебрях реки. Но никаких следов человеческого присутствия.

Капитан, явив миру очередной раритет, достал из узкого шкафа латунную бронзовую трубу, длинную, как была у Паганеля. Смотреть через неё лучше всего с опоры – он показал. А я-то думал, для чего на обоих крыльях мостика вмонтированы U-образные вилки на штырях! Ставишь, регулируешь вилку по высоте и комфортно разглядываешь дальние дали с адским увеличением, почти без дрожания.

В рубке я обучался искусству рулевого. Краткие курсы, вести мне всё равно пока не доверят.

– Чем доводилось управлять?

– Самое крупное – катер КС-100.

– О как! Тогда считай, что полдела сделано! – удивился и обрадовался Самарин. – Ну-ка, Семён, уступи ему пульт! Значит, Герман, вы понимаете, что на первом этапе самое главное – это оценка и учет степени инерции судна. У каждого она своя. Вы меняете направление, но пароход реагирует с запозданием, начиная поворот с задержкой, так же, как выход из него.

– Прочувствовал в своё время.

– Тогда работайте.

Как он находит безопасный судовой ход? По графику эхолота, по характеру течения и поверхности воды, по изгибам русла, расположению островов, мысов и кос. Тяжелейшее дело, неподъёмная наука, не представляю, чтобы я когда-нибудь сумел проделывать такое хоть в малой степени.

– Ничего-ничего, всё придёт! – мягко подбадривал меня капитан. – Расслабьтесь только, иначе быстро устанете. Сначала на джойстике, чисто для понимания процесса, а потом перейдём на штурвал. Вот там точно взмокнете!

Проходя мимо рощи высоких деревьев с раскидистыми кронами, матросы заметили на берегу стадо небольших антилоп чёрного цвета с длиннющими витыми рогами, направленными при наклоне головы вперёд, как бывает у единорога. Опасное оружие! На вид вполне съедобные. Клоны, как две капли воды похожи друг на друга. Парнокопытные, если их анатомия аналогична земной, паслись прямо на прибрежном лугу, телята группами бегали рядом с самками, а несколько самцов со стороны реки следили за порядком, оперативно возвращая наиболее резвых поскакунчиков обратно. Наверное, с другой тоже караул стоит. Особенно выделялся крепкий самец с тремя белыми овалами на боку, которые буквально горели на ярком солнце.

– Голов двести будет, – решил шкипер.

– Ага, – согласился я, фокусируя на альфе объектив камеры.

Недалеко от стада в траве возлежала небольшая группа других травоядных, покрупнее. Из-за лени и отсутствия любопытства у последних, не пожелавших и головы повернуть в сторону проходящей мимо «Темзы», сделать снимок-идентификатор так и не удалось, звери до поры сохранили инкогнито.

Эхолот выдал переливчатый сигнал, и Илья Александрович тут же мягко отодвинул меня в сторону.

– Мальчик говорит, что глубина меняется быстрее заданного порога.

«Темза» сбавила ход, капитан довернул, какое-то время особо внимательно присматриваясь к экрану.

Стоит ли добыть парочку антилоп? Пожалуй, нет, мяса в достатке, Альфия и так ухахалась, а ведь опять возникнет.

– С мясом всегда будем, – согласно кивнул шкипер, будто прочитав мои мысли. – А вот то, что никого и никаких следов... Есть версии?

– Однозначных нет. Первое, что приходит на ум: мы десантировались слишком далеко от мало-мальски обжитых мест. По идее, в низовьях шансов больше, – предположил я.

– Ото ж! На реках, текущих к югу, так оно и есть. А вот ежи на север... Потому и пошли на юг.

Мы были одни. Двадцать одно, десять членов экипажа и одиннадцать пассажиров. И все вместе – одно большое Одиночество. Никто в этих безлюдных местах не отзовется на крик о помощи, никакое МЧС не поможет странникам, ока-

завшимся в глухомани Затерянного Мира. Больше не будет дальней радиосвязи и спутниковой навигации, не прилетит спасательный вертолёт, не придёт на выручку встречное судно. Именно оттого окружающая картина и приобретала особую, сверхъестественную силу. Опора на плечо товарища? Не знаю лучшего места, где можно было бы испытать это спасительное чувство, только в нём и надо искать поддержку, а не в слепой вере в бога.

Мерное шлёпанье плиц сливалось в уже привычный шорох-шелест, спокойный и даже убаюкивающий. Шёл час за часом, рельеф больше не менялся, ничего не происходило. Капитан рассказал о подмеченных особенностях реки:

– Очень полноводная, даже не знаю, есть ли на Земле такая! Глубины на стремнине хорошие, большей частью ровное дно. Идём по огромной долине, на которой нет скальных выходов. Появятся холмы – будут вероятны мели и перекасты. Меандрирует слабо, река очень старая, давно выбрала себе добрый путь, лишь слегка корректирует.

Через реку часто перелетали стаи пернатых, самых разных. Наиболее впечатлили «лебеди» – огромные белые птицы с длинными шеями проплыли над нами, держа курс вдоль реки. Раза в два больше наших лебёдушек.

Я успел поваляться, пообщаться с профессором, доложить Нине о своих болячках, старых и свежих, а также о сделанных прививках, – всю эту информацию докторша заносила в журнал, завтра планирует начать диспансеризацию все-

го состава. Потом вернулся на мостик.

– Между прочим, вторая сотня километров пошла после Аракары, – невесело сообщил шкипер.

Продолжать он не стал, но стало ясно: Самарина тревожит отсутствие признаков цивилизации.

– У нас нет другого выхода, как следовать уже выработанной стратегии. Движение и планомерный поиск, – я ничего больше не мог добавить к уже не раз сказанному.

Обед прошёл тихо, большинство отсыпалось. «Темза» в очередной раз поменяла берега, капитан постоянно искал и находил нужный фарватер. Потом судно с час шло исключительно вдоль левого. Тут и произошло событие, по итогам дня оставившее в моих впечатлениях самый неизгладимый след.

Как-то неслышно поднявшись по трапу, в рубке внезапно появился кочегар Федя Липпо, человек худой, жилистый, с огромной, очень неряшливой копной рыжих волос. Первый раз я увидел его так близко. Взгляд весьма странный. Повелитель огня и дров невозмутимо бросил невнятное «здрасьте» и тут же сложился, как перочинный ножик, двумя руками с жутким скрежетом почесав обе голени. Хряп-хряп...

– Что у нас плохого? – какой-то не баптистский у него вид. Разгильдяйский какой-то.

Я справедливо ожидал, что Илья Александрович тут же рывкнет на него отработанным командным голосом, однако ничего подобного, Самарин лишь улыбнулся и попривет-

ствовал подчинённого.

Кочегар огляделся и, увидев меня, спросил с отчаянной надеждой:

– У вас сигаретки не найдётся? Алька-чувырла буфет закрыла, булка с хреном, и спать завалилась. А я пустой, как бас-барабан.

– У меня электронные, – ответил я, вполне понимая страдальца. – Могу дать новую. Ничего так, крепкие.

Федя внимательно выслушал, глядя на меня с жалостью, и сразу заторопился:

– Сочувствую. Ладно, чуваки, с вами скучно, побёг я дальше. У школьников возьму, у школьников всегда сигареты есть. На вас брать, Герман? Соединимся в едином дымном порыве!

– Нет, спасибо, – отверг я предложение, хотя вдруг страшно захотелось засмолить по-взрослому. Вот же паразит! Но грабить детей...

– Тогда сочувствую ещё раз. Вода чья? Ничья. Ваше здоровье! Гут! У вас, кстати, засветка на радаре!

Хлоп! стакан на стол – стук! И Федя исчез так же внезапно. Стихия!

– Он точно баптист? – повернулся я к капитану.

– Баптист, баптист! – уверил меня Самарин. – Чёрт, а не парень. Талисман «Темзы». Выносливый, как судовой дизель. И хард-рок постоянно слушает, электрогитару имеет с усилителем. А так – баптист... Пожалуй, это засветка! Сла-

бая, как он только разглядел от двери... Святой человек! Там островок, похоже, за ним что-то прячется. И кусты густые, без РЛС не засекали бы, мимо прошли.

Интересно, Федя по воде ходить умеет?

Тут уж и компьютер решился, поставив на экране птичку и какие-то цифры с разделителем, через пару секунд поменявшиеся на другие, уточнённые.

– Малорослик! Катер до десяти тонн водоизмещением, – пояснил капитан. – Малый ход! Меняем курс, подходим.

Он по громкой связи вызвал боцмана с Сашкой, а профессор появился по своей инициативе. Все были возбуждены.

– Пойдёте? – спросил меня шкипер.

– А как же.

Со стороны левого берега подходил дождевой фронт, серые облака стеной шли к реке. Черноты в небесах пока не видно, так что дождик обещается средненький. И хорошо бы, при дожде становится поприятней, особенно, когда поднимается ветерок. На большой реке вообще прохладней, воздух остывает над гигантским природным теплообменником, поэтому здесь не так жарко, как было на Аракаре.

Глубины тут маленькие, и экипаж повозился, выбирая место для подхода и швартовки к берегу. Белый корпус катера, стоящего за овальным островком, был почти полностью скрыт в подтопленных зарослях, что-то типа небольшого мангра. Похоже, скоростной агрегат, рубка вынесена назад, салон впереди ниже. Явно водомёт. Человек на шесть-

восемь.

Состояние очень нехорошее, тревожное.

Береговая терраса поднималась выше брошенного катера метра на полтора, и я решил ствол с собой не брать, всё равно снизу ничего не увидеть. Пусть наши сверху прикрывают, так надёжней. Боцман взял «мурку», Сашка – ракетницу, этого вполне хватит.

Плохое место, на фиг он сюда встал? Ничего не видно, как западня. Пароход пришлось остановить метров за тридцать, дальше хода не было. Напротив на ступеньке под террасой лежала громадная лесина, поднятая на берег во время высокого паводка.

Десантная группа, предварительно натянув высокие резиновые сапоги зелёного цвета с оранжевыми лейбаками, прыгнула на берег. Сапоги в данном случае – вещь! В таких местах у самой воды, толком никогда не просыхающих, частенько водятся змеи и жабы – кто знает, ядовитые они или нет... Без особой надежды намазались имеющимся таёжно-тундровым репеллентом. Я человек опытный, знаю, что родные мази кровососущим экзотических стран, как слону дробина, что бы ни было написано на упаковках, хоть «супермоскит-5000». А вот купишь местное средство в поселковом магазинчике вездесущей сети «Сэвэн Элевен» – сразу есть эффект! Наши спирали тлеют без пользы, а кольца абригенов отпугивают насекомых с первых же секунд! Хорошо предварительно пообщаться с местными жителями, которые

всегда знают по-настоящему действенные средства, приготовленные из местных растений. Жаль, не попался нам пока такой магазинчик. Да и житель тоже.

На большой воде кровососов немного, а в движении их сносит потоком воздуха. У берега сложнее; пляжик здесь топкий, влажный, островок закрывает схрон от ветров. Короче, надел куртку с длинными рукавами, потерплю, не жарюсь. Подойдя ближе, я первым увидел самое главное и тут же поднял рацию.

Пш-шш...

– Катер ломали. Какой-то большой зверь. Очень сильный. Когти... Или даже не один... Вы смотрите там внимательно! Что-то шухерное тут место!

– Смотрим, сейчас удвою наблюдение. Герман, он сильно бит?

– Сильно, капитан. Корпус с кормы подтоплен, оно пыталось борт вскрыть, что ли, две огромные дырищи... Слушай, да он спрятан практически идеально! Если на лодке, то нужно вплотную с берегом идти, чтобы заметить. Так... Вмятин много. Корпус пластиковый, рубка в двух местах буквально порвана, стёкла в ней биты. Похоже, нападение случилось после швартовки.

– Пришвартован? – почему-то удивился Самарин.

– К коряге привязан, синтетика, красный трос или канатик... Ну, пошли.

– Принял.

Зверь, успешно опробовав на прочность корпус судёнышка, пытался проникнуть внутрь через маленькую рубку, всего три сидячих места на одной мягкой скамье: для капитана и двух пассажиров. Скамья выдрана и отброшена на берег, и кожа на ней поднята двумя огромными порезами. Дверь почти выломана, висит криво, держась на одной петле. Жуть. Страшно, зараза! Мрачные предчувствия, витающие в собственном голосе и самих словах моего первого доклада, словно окутали пространство вокруг изуродованного катера, и теперь я всё более остро ощущал пугающее приближение чего-то таинственного и неотвратимого. Не дрейфь! Ага... не дрейфь... А что же ещё могло вызвать в душе такое зрелище? Хватит, пока всё нормально.

Пш-шш...

– Вы там смотрите?

– Смотрим, Герман, смотрим. Что у вас?

– Что? Потом, тут такое...

Я остановился, собираясь с духом. Боцман с матросом тоже замерли, не решаясь протиснуться между мной и бортом. Собравшись, сунул голову в рубку и сразу отскочил, ошалело глядя на Михаила. Лицо его тут же побледнело. Оба речника нервно подняли стволы.

– Мужики, там труп!

Твою мать! Совсем не хочется лезть! Парни тоже не выказывали желания первыми проникнуть поближе к Зловещей Тайне.

– Больше ничего не заметил?

В смысле, существенного? Я понял и отрицательно качнул головой.

Всегда считал себя решительным человеком, а тут испугался. Так ведь и ребята испугались! Труп в салоне... бр-р...

– Что, желающих нет? Не видели никогда? Тогда я пойду, пожалуй, – хрипло у меня это прозвучало, неуверенно. Сглотнул.

– Попробуй, поддержим, если что, – шёпотом согласился боцман. – Ты, поди, нагяделся на всех этих тёрках-стрелках...

– Какие там стрелки, Миш, – вздохнул я тяжко. – Я что, по-твоему, из девяностых выпрыгнул? Ладно, прикрывайте давайте. Снаружи по-любому страшней, чем внутри, смотрите во все глаза, слушайте.

Хозяин катера или пассажир попытался укрыться от напавшего чудовища в салоне – вход в него зиял прямо посредине рубки, под коленями пассажиров, четыре узкие ступеньки вниз, которые я преодолел одним шагом. В пассажирском салоне, находящемся повыше кормовой части выброшенного на берег катера, было сухо. Два мягких дивана стояли напротив друг друга, столика нет, наверное, он устанавливается отдельно, по надобности, иначе просто не пройти. Объёмистые рундуки под сиденьями, подвесные шкафчики в торце, по два круглых иллюминатора с каждой стороны, шторы. С другой стороны скошенный передок салона

заканчивался люком выхода с прямоугольным стеклом – уже наружу, на нос.

Пш-шш...

– Вы как?

– Да не мешай ты!!! – рявкнул я. Ну что за вопрос! Нервничает Самарин. – Чего пугаешь?! И так страшно до обоссаться! Лучше по сторонам смотрите, монстр набежал очень серьёзный, без шуток! Как два медведя, судя по царапинам от когтей.

– Понял тебя, – произнес шкипер тихо, потом смачно выматерился и отключился.

«Подёргайтесь, подёргайтесь, – с неприличным злорадством подумал я. – Одному, что ли, трястись». А ручки-то действительно дрожат. И никакая винтовка не помогла бы, толку тут от неё. Тут нашатырь нужен.

Человек спрятался правильно, больше и некуда, но это несчастному не помогло.

Скелет лежал в углу левого дивана, волосы, одежда... Что можно предположить? Чёрт, чуть не вырвало! Где платок! Падла... Уф-ф...

– Ты как? – крикнули со стороны рубки. – Тихо на берегу!

– Норг-мально-гл, – булькающим голосом откликнулся я.

Итак, что? Вариант один: спрятался, уже будучи смертельно ранен. Не с голоду же он тут загнулся и не от жажды. Хотя... Медику надо будет посмотреть, она определит. Зверюга, может, и салон бы вскрыл, чтобы пролезть, но ему поме-

шало одно важное обстоятельство – у человека имелось оружие. Даже два.

Возле правой руки скелета лежал узнаваемый пистолет «кольт-1911», эту знаменитость и я знаю, видывал. На полу под левой – маленький никелированный револьвер, рядом с ним – светлая клеёнчатая сумка, небольшая. Раз за разом делая неглубокие вдохи, я шагнул, нагнулся и поднял. Detective Special. В барабане всего два целых патрона, остальные стреляные. В «одиннадцатом» магазин полон, пустой валялся тут же. Успел перезарядиться. В клеёнчатой сумке – маленькие кейсы с принадлежностями, большая кобура, патроны. Три пачки для пистолета, три для револьвера. Густо или жидко? Да не считай ты зубы, дай бог радости и этому! Только вот пока не до радостей, не осознал ещё, желтоватые обглоданные кости не дают...

Значит, так, версия простая: получив в морду пару удачно попавших пуль, зверь отступил, какие бы последствия для его здоровья ни последовали. Не понравилось ему. Почему человек раньше не стрелял? Да стрелял наверняка, магазин в пистолете пуст, только попадал по... панцирю? Да ну к чёрту, только бронепанцирей нам не хватает! Лучше так: мазал. У тебя вон как руки трясутся.

– Заходите. Всё, никто не укусит.

Парни по очереди проникли в помещение. Ничего, привыкли к мысли, осознали, чего ожидать, это очень важно, настраивает. И бледность с лиц спала.

– Что дальше? – теперь отчего-то я растерялся. Стресс глушил мозги.

– Осматривать будем, – пробормотал Мишка. – Ух ты, пистолы!

– Занято! Того и тапки! – гаркнул я. Мужская жадность – один из самых мощных движителей, сразу сил прибавилось. – Пистолет себе беру, револьвер капитану!

– Тогда мародёрим, – подсказал Сашка.

– Восстановить-то его можно будет?

Парни переглянулись.

– Очень и очень вряд ли, – наконец ответил Мишка. – Механик, конечно, посмотрит... Такие дыры, полкорпуса, считай, что нет... Материалы надо, вытаскивать в безопасное место, а как? На борт эту дуру не поднять, некуда и нечем. На двигатель, особенно если дизель, и водомёт Заремба облизнётся, конечно, захочет из шлюпки гоночный катер делать.

– То есть опять остановка?

Боцман кивнул, а потом спросил:

– Герман, а за сколько, к примеру, местные муравьи могут так обгрызть тело человека? До костей.

Меня опять замутило.

– Откуда же я знаю! – даже возмутился я. – Вот уж никогда не задумывался... Ладно, пошёл на «Темзу», пригоню механика, а вы потрошите всё доброе и...

– Да ладно тебе, – перебил меня Михаил, – не впервой старые суда грабить, разберёмся.

Всё-таки я для них по-прежнему сперва кошелёк с ногами, а уж потом напарник. Это нормально. И это пройдёт. Выбравшись на свежий воздух, сразу отметил низкую облачность и клочки сизого тумана на реке. Ветер стих, погода менялась, температура падала. Чувствую, скоро всё опять изменится и ливанёт прилично. Тишину разрезал резкий звон бензопилы. Кто там? Ага! Значит, капитан распорядился напилить из лесины чурок. Самое время, пора опробовать местное топливо.

С недоверием поглядывая на край террасы, где плотный зелёный ковёр из переплетений трав и корней буквально нависал над головой, я побрёл к судну.

Зашибись, сходил, развеялся.

...Передо мной лежала огромная поляна, какую уже можно назвать полем.

Ближний край леса – в трёх сотнях метров от берега. Как бы смог зверюга подкрасться незамеченным, будь у шкипера на этом катере должный обзор? Гадкое ты место выбрал, не подумал, парень. Либо же заставила критическая необходимость приткнуться абы где, болезнь или... топливо кончилось? Подгребал без права выбора?

Пш-шш...

– Аргентинская посудина, порт приписки Росарио, – в тональности до мажор сообщил по-своему довольный итогом механик. – Документы все забрал! Материалка есть, свинтим. Может, и применим чего.

– Ага, значит, Парана-речка, вот где очередной Прорез образовался! – тут же выдал шкипер, проявив должную осведомлённость и вместе с тем игнорируя заманчивые, но вранливые перспективы. – Добавишь для полноты?

– Топливо осталось, под сотню соляры, сольём, ес-сно... Наверное, что-то с двигателем, – на этом доклад и закончился.

В рубке находились капитан и я, остальные мужики на земле, при делах.

Профессор с Яриком да пацанами режут ствол и таскают красивые чурки ярко-красного цвета на борт, сразу раскладывая их на палубе для просушки. Федя местным «палисандром» топить котёл будет. Сам кочегар вместе с механиком, боцманом и матросами – на Объекте, ребята усиленно потрошат катер, уже кое-что притащили из того самого ништяка: бортовую радиостанцию, чудом уцелевший флайбридж с антеннами, сканером локатора, прожекторами и навигационными огнями. Посуда и инструмент с катера, немного судового имущества, типа спасжилетов, верёвок, канистр и прочего сопутствующего, оставшийся запас еды, не успевшей испортиться – сыпучие в банках, приправы, специи, соль. Хороший мощный бинокль, бесполезный ноутбук, пострадавший от когтей. Боцман рачительно забрал всю найденную одежду и теперь яростно выдирает уцелевшие иллюминаторы и носовой люк. Интересное – компрессор из комплекта лёгкого водолазного снаряжения, самого аквалан-

га нет. находка ценна потенциальными возможностями.

Смародёрилась и невеликая аптечка – Нина сразу забрала, ей всё мало, даже после присвоения фармацевии, предназначенной кинутой нами Сухарихе. Марина сидит возле постанывающей дочки, Аля возится на кухне.

– Зачем ты мне револьвер сунул? Не моё это дело, пострелушками заниматься, – проворчал капитан, засовывая «детектив» в жёлтую кожаную кобуру. – Твоё ружьишко итальянское постоянно тут висит, если что, куда больше? Отдай ты его лучше профессору, а мелкан изыми и вручи Сашке, он хорошо из него стреляет. Ракетницу Семёну, а ту оранжевую игрушку, что в катере нашли, пацанёнку из расчёта, Алексею, только поучить чуток надо. Вот и будут у нас все палубные при оружии.

Стратег! Может, он и прав. Просто думал, что капитану неплохо бы иметь личный ствол. Но наш дед не таков, ему эти игрушки безразличны, он взросло живёт, пароходом управляет.

Я сходил на берег, поднялся наверх, побродил в поисках следов. Бесплезно, густая, хоть и невысокая трава не сохранила никаких идентификаторов. Очень плохо, не имею представления, что за тварь напала на катер. А ведь пока это самый опасный хищник, о котором мы узнали! Теперь стоял на крыле мостика, омываемого слабым дождём, и через оптику прицела в который раз пристально оглядывал край леса, порой меняя винтовку на тепловизор. Ничего и никого.

Ответственность угнетает.

Мужики внизу, они ничего не увидят, капитан следит за рекой и согласовывает действия групп. Поэтому я выдернул с камбуза двух девчонок, белокурую Свету и эмообразного вида Инну, обе стоят на борту, смотрят на берег в бинокли, осуществляя параллельное наблюдение.

Пш-шш...

– Илья Александрович, ну что, согласовываем? – послышался нетерпеливый голос механика.

– Что решил окончательно, Николай?

– Идея такая... Смахиваю отрезной машинкой и бензорезом кормовую часть с силовым агрегатом и двигателем, цепляем через блок на брашпиль и тянем, как на салазках, к пароходу. Там поднимаем шлюп-балкой и ставим на корму под разборку. В таком случае управимся за два часа, тут половина уже порвана. Больше брат, если честно, нечего. Ну, хахряшки все снимем, пригодятся, поручни и ограждения хороши, хромированные, это тоже заберу. Ещё и захоронить товарища надобно, по-людски... Ну как?

– Действуй!

Управились за три. Уже вечерело, когда «Темза», гуднув на прощанье, отчалила, осторожно выруливая на стремнину. До темноты нужно найти место спокойной стоянки.

– Теория о множественности попаданий сюда подтверждается, товарищи! – резюмировал прилично уставший профессор, постепенно меняющий облик холёного учёного на

вид опытного обветренного путешественника. – Значит, уже статистически, выжившие должны здесь быть.

Несмотря на всю мрачность последней встречи, живое зерно в ситуации действительно имелось. Найдём людей, Владимир абсолютно прав.

Ночь начала опускаться на реку, когда впереди за поворотом реки показался небольшой уютный остров, протянувшийся вдоль реки примерно на километр. Ближе к левому берегу. Начинался он песчаным пляжем, переходящим в заливную поляну, а потом и в шикарный высокий лес на взгорье. Неплохой кандидат для стоянки. Во всяком случае, крупных хищников там точно нет.

– Малый ход! Приготовиться отдать кормовой якорь!

«Темза», поворачивая направо, начала обходить островок, пристраиваясь к берегу. Остаток света еле позволял разглядеть панораму, открывающуюся впереди.

– Капитан! Огни по курсу! – крикнул Сёма.

Рука Самарина, потянувшаяся к пульту управления огнями, тут же отдёргнулась.

– Светимся, нет? – спросил кэп у нас с Володей.

– Может, пока не стоит, присмотримся? – предложил профессор.

Я же не смог ответить быстро, думал.

– Добро, подсветим себе, когда за островок спрячемся.

Впереди на левом берегу светились три огонька. Не разобрать, электрика это или живой огонь. Я торопливо схватил

подзорную трубу, поднимая штатив опорной вилки. Это посёлок! Крошечное поселение на большой реке. Вот так вот! Нашли. Домов... Раз, два... пять вижу. Ох ты, баржа маленькая! Или сухогруз! Мёртво как-то стоит, тоже, скорее всего, раздербаненный. Сарай длинные на берегу, примитивная пристань. Возле неё стояли три, нет, четыре лодки, одна из них парусная!

– Лучше вообще не включать, и фонариками обойдёмся. Да и тепловизор есть.

– Не поднимайте пока волны, профессор, – попросил капитан.

– А я-то что? – немного обиделся Мазин. – Просто разумная предосторожность. Конечно, всем хочется побыстрей... Но как человек академический, привыкший мыслить системно, хочу учесть все стороны процесса, так сказать.

– Да ну их к чёрту, все эти стороны! – неожиданно даже для себя возмутился я. – Если собираемся жить тут вечными трусами, то не найдём никаких Прорезов! Так и будем прятаться? Слышимость на воде отличная, а тут всего пара километров. Да и увидеть могли. Если люди злонамеренные, то к утру успеют подготовиться к встрече, пока к острову жмёмся, или даже совершить вылазку, как компонент превентивной защиты собственности. Если добрые – будут трястись всю ночь, так же, как мы. И зачем всё это? Предлагаю сразу идти, гордо и весело! Вот так вот.

Капитан посмотрел на меня с уважением, почесал лоб,

приподняв фуражку, и ответил:

– На том и остановимся. Не такие уж и трусы.

Он решительно включил прожектора и навигационные огни.

– Экипаж, внимание! Впереди по левому берегу местный посёлок! Всем по местам стоять, приготовиться к бою! Остальным на палубу не высовываться! Стюарды, зажечь бортовые фонари!

Дипломатия канонерок всегда действенной обычной.

«Темза» наконец обогнула длинный клочок суши и во всей красе пошла навстречу неизвестному. Я успел разглядеть в нижней части острова глубокую бухту в форме ласточкина хвоста, гавань с шикарным пляжем и близко стоящим лесом. Хорошее место.

– А ещё вот так сделаем, – решил Самарин. Выйдя на правое крыло, шкипер развернул правый прожектор. – Пусть видят!

Световой луч подсветил слабо колышущийся на мачте андреевский флаг с косым крестом, который каждый гражданский капитан должен бы иметь в записке.

Мало ли что... Ну, вы меня поняли.

Глава 4

Люди большой воды и маленькой суши

Шёл второй час Великого Сиденья за полным столом.

Рыба копчёная, фрукты-овощи, варёная курица, лепешки, но не из пшеничной муки, а из каких-то местных плодов. Даже местное пиво в глиняных кувшинах. Русская делегация, в нормах и понятиях национальной щедрости, в грязь лицом не ударила, притащив на брифинг самого разного, включая Vodka и Vulka.

Да вот не покатило что-то с поеданием. Относительное обилие закуски особого аппетита ни у кого из наших так и не вызвало – слишком много интереснейшей информации вывалил на слушателей Бу Арвидсон, староста небольшого посёлка, стоящего на берегу речного залива. Диковинное рассказывал этот высокий, с короткой бородой, солидный седой мужчина лет пятидесяти, капитан исчезнувшего в Прорезе судна. Классический скандинав – типаж, канонический образ! Даже загар толком не прилип за всё время, красноватый какой-то.

Поселение называется Веннес, по родине первопоселенцев, заброшенных сюда с небольшой реки Уме-Эльв вместе с частной самоходной баржей. Понимая, что сразу не запом-

ню, я записывал всё в блокнот, загодя взятый у Галины Ивановны, там запас хороший, надолго хватит.

Мы, конечно, волновались, но быстро остыли, поняв, что пальбы не будет.

Староста лишь недавно успокоился, а в первые минуты визита он переживал конкретно. Больше скажу – был напуган.

– Единственный работающий большой пароход на реке, что я видел за эти годы! Даже слухов не было! Как это может быть! И на нём русские! Раньше бы ваше появление назвали сенсацией, а теперь и рассказать некому, газетчиков нет... Теперь-то уж точно что-то изменится в этом мире.

– Да не изменять собираемся, а адаптироваться, – успокоил я старосту, сам, впрочем, не будучи полностью в том уверен. Посмотрим ещё, глядишь, и подкорректируем, если хватит сил и позволит обстановка.

– Люди подумали, что вы собираетесь напасть! – признался староста.

Все трясутся, не только мы. Ожидаемо. Люди разных народов и народностей, дети разных исторических времен, представители самых необычных специальностей пытались зацепиться на новых землях, каждый со своими ожиданиями, но все с одной целью – выжить.

В многонациональном поселке Веннес, по местным меркам, среднем, проживали девятнадцать человек: четверо мужчин-скандинавов, их жёны из числа аборигенок Южной

Америки и дети, чаще младших возрастов. Женщины круглолицы, с узкими бедрами, очень подвижны. Дети – прелесть! Маленькие метисы, унаследовав столь разную кровь, являли собой образец выживания – ко всему годны. Загорелые, необычно высокие для стран джунглей, у некоторых синие глаза. Я успел угостить их конфетами, пока беседа не позвала в дом.

На территории разместились четыре больших дома, три подсобных строения поменьше и два длинных сарая. Собственно, в одном из таких «сараяев» мы и сидим, тут у них общественная столовая. Очень уютная, кстати.

Все строения стоят на сваях, причину использования которых в строительстве я пока не понял – селение на взгорке, выше обреза воды метров на пять, затапливать не должно. Или заливает под уклон в дождливый сезон? Под домами висят лодки, какие-то мешки, инвентарь, деревяшки. Характерно, что все дома, несмотря на очевидные тропические особенности, несли несмываемую печать северной архитектуры, будучи сделаны из хороших бревен, капитально, – такие и для более сурового климата сгодятся. По периметру – веранда, укрытая от дождей и палящего солнца свисающими скатами высокой треугольной крыши. Жилища просторные, светлые. Кстати, Веннес считается поселением зажиточным.

Жизнь посёлку даёт Река.

Я предполагал, что название будет осторожно-общее – Река, например, или Большая Река, без персонификации. Она

слишком колоссальна, чтобы кто-то осмелился дать ей имя. Оказывается, имя существует, и придумали его ещё перво-поселенцы.

Северяне. Именно так называют жителей Веннеса. Пять лет прошло, как занесло их сюда.

– Выше по течению посёлков нет, во всяком случае, никто про них не знает. Это край мира, граница с Дикими Землями. Фронтир, как говорят в Манаусе.

– А потерявшиеся с верховий приплывали? – тут же любопытствовал профессор.

– Всего несколько раз на моей памяти, – после раздумий ответил Бу, шевеля губами для оживления памяти. – Шесть... Нет. Семь? Точно, семь раз! И то... Господь не всегда шлёт нам доброе... Обычно это лодки или маленькие катера, Портал вообще узок, крупное судно не проходит.

Я машинально отметил оговорку главы поселения про ошибку Господа, но уточнить не успел, был задан уже другой насущный вопрос. Они вообще, словно из ведра сыпались, а скандинав тормозил.

Поляна, на которой стоит посёлок, не очень велика, в форме вытянутого треугольника. С южной стороны её ограничивает речка Уме-Эльв – кто бы сомневался! – с уже непривычно чистой водой, лодка или катер вполне проходит. Внутри, кроме прочего, собственная банановая плантация. На ту сторону речки ведёт мост, там, как говорят аборигены, есть большое озеро, рядом с ним поле. С севера подступаю-

щие джунгли останавливают регулярная вырубка и своеобразный тын из рукотворного частокола и колючего кустарника. Внутри жилого периметра разбиты огороды, есть небольшой сад, из домашних животных – лишь пара собак и куры.

Особая гордость Веннеса – крошечный речной порт. Ко вставшей на вечную стоянку самоходке длиной метров тридцать примыкает грамотно собранный деревянный пирс, целый комплекс. Староста говорит, что такое роскошество мало кто имеет. Лениятся люди Реки... Шведы же явно не ленивы. Если понять и принять условия игры, то первое впечатление таково: всё аккуратно, как для открытки, фотошоп не требуется. Капитан даже как-то завистливо усмехнулся: обжились!

Беседа до сих пор идёт тягуче, с вязкими паузами и раздумьями. Ну и ладно, быстро им всё равно не управиться.

Кажется, я понимаю, в чём тут дело.

Для того, чтобы человек отряхнулся от однообразной монотонности жизни и работы в крошечном замкнутом коллективе, где в силу бесконечных событийных повторений ненужным становится уже и обширный словарный запас, требуется какое-то экзогенное воздействие, внешнее потрясение. А после него необходимо время – для входа в новый каркас. Конечно, это тяжело! Человек попал в замкнутое пространство с весьма ограниченным кругом общения, где с трудом, но притёрся, приспособился... Да и привык! Потому и обратный процесс «выхода в общество» ничуть не легче.

Недаром ходит байка, что в военном флоте США моряк три недели после похода не привлекается к суду – он считается почти сумасшедшим.

Капитан, чтобы не терять времени – вопросов бездна, – через толмача, роль которого исполняла краеведша, выяснял у другого мужчины, невысокого худощавого судового механика Ульфа, особенности местной геологии, с упором на уголь. Самая насущная тема, иначе не напасть нам кочегаров... Профессор завёл разговор с Гунаром, третьим шведом, пытая его об особенностях погоды и климата.

Скандинавов за длинным столом трое. Четвёртый член экипажа болен и лежит в избе, у него какое-то нагноение на ноге, Нина Котова в данный момент осматривает пациента. Рядом с докторшей телохраничит Александр с «муркой», так, на всякий случай. Когда он удрал, чтобы вызвать судового врача с парохода, шкипер, радужно улыбаясь, вежливо прошипел мне по-русски:

– Этак весь медзапас растренькается в два счёта...

Я, сотворив «чиз» в полкруга, не менее радостно отвечивал:

– Не волнуйтесь, всё окупится. Нам, Илья Александрович, сейчас прежде всего нужен союзник... Люди с положительной комплиментарностью к экипажу «Темзы». Помните о базе номер один.

Самарин не сразу отреагировал, будучи не в силах перебороть запасливые привычки таёжного собственника, но смол-

чал, от греха, а потом, решив, несколько раз как-то по-китайски кивнул в согласии.

А местечко для базы имеется! Отменная островная бухта, которую я заметил ещё по пути сюда, лучше всего подходит для этой цели. Одинокий сухой остров посреди реки, куда просто так не доберёшься, да ещё с удобной гаванью – то что надо! Если добьёмся в Веннесе союзничества, то будет кому присмотреть. И не упрут ничего. Важная тема. Потому что впереди у нас простого не предвидится... Я даже уговорил шкипера остановиться, вернуться ненадолго и под светом прожекторов заглянуть в гавань.

Все остальные остались на борту, им пока выходить не разрешено, пусть спят. Боцман со вторым матросом несут вахту в рубке, стюарды дежурят на палубе. Механик на корме, у орудия. Кочегара к пушке не поставишь, у него непротивление злу насилием. Спит уже, наверное.

Бу Арвидсон вышел на кухню, чтобы отдать какие-то распоряжения женщинам, а я недолго понаблюдал, как Владимир Викторович успевает, задавая уточняющие вопросы, фиксировать в своём блокноте большой объём информации. Значительно больший, чем у меня! Я по привычке набрасывал коротко, как на совещании или форуме, порой обозначая моменты и нюансы, требующие уточнения, а также ассоциации и полезные для последующего анализа мелочи, вроде эмоций по ходу пьесы ключевых фигур: премьера, министра, губернатора. Что-то обводил жирным.

Получалось тезисно, сумбурно. Впрочем, всё основное схвачено.

Планета: **Криста** (*ассоциативно! кто и когда назвал – неизвестно*). Иногда употребляется – «**Мир Креста**».

Астрономия: **земного типа**, аналог в пределах звёздной системы. Светило – Солнце, спутник – Луна.

Река: **Лета** (*мифологическое, узнать подробности – училка?*). На всём протяжении не исследована. Исток неясен, выше Веннеса поднимались кэмэ на сто пятьдесят (*кто ходил? когда?*). Куда впадает – неизвестно, самые отчаянные разведчики не возвращались (*почему?*). На изученном участке река по ширине одинакова. Попадают холмы по берегам, там есть перекаты. Судоходна.

Площадь водосбора: **офигенная**. Никто толком не знает. Притоков очень много, есть крупные.

Первопоселенцы: **с начала прошлого века**.

Расселение: около **900 км ниже** по течению, дальше опять Дикие Земли.

Летоисчисление: поздно начали, восстанавливали, пришли к единому: условно **112 год**.

Время года: соответствует прошлому, **август, 20-е**.

Климат: почти **стабильный**. Жара летом (*самый самарканд прошёл*). **Сезон дождей** с ноября по февраль. Умеренный, ежедневные, небольшой длительности. Снега не бывает, реки не замерзают.

Государства, края, области: **нет**.

Этнообразования: **нет**.

Города: **есть**. Независимые (*названия?*)

Ближайший – **Манаус**, 72 километра вниз. Жителей чуть больше 1000. **Губернатор**. Выборы (*есть ли партии? какие?*). Вроде есть и русские (!!!).

Следующие за ним ниже по течению – **Панизо, Омаха**.

Посёлки: **есть**. Много, все стоят южнее. Есть те, что в адм. подчинении у городов, есть вольные.

Ближайший: **Дуглас** (*какой? где? что там за река?*).

Деревни: **навалом**.

Ближайшая: **нет**, только за Дугласом.

Транспорт сухопутный: **не развит**.

Дороги: магистральных **нет**. Есть небольшие ветки возле городов.

Транспорт речной: в основном **лодки**, вёсельные и парусные. Лодочные моторы – редкость, мало топлива. Встречаются самодельные маленькие пароходики до десяти метров и парусники побольше. Несколько моторных катеров у богатых (*каких? где они живут, сколько их? состояние? на чём сделали? династии?*)

Авиация: **нет**.

Радиосвязь: бытовая **отсутствует**. Станции **в городах** для связи губернаторов (*сеансы с.в. редко, надо сканировать, вечером? спят допоздна?*)

Ареалы расселения: **только у реки**. В джунглях поселений **нет**.

Производство: промышленное фабричное и мануфактурное отсутствует. **Кустарное, ремесла.** В основном в городах, реже в посёлках.

Рынок: **в зачаточном.** В городах базары. Магазины (какие? – *зачёркнуто. узнаем...*)

Дефициты: **фабричное оружие, патроны, топливо, лекарства, генераторы, подвесные моторы, солнечные батареи** (*всего не вспомнит – мечты*).

Ходовой: **обувь, одежда, растительное масло, инструмент, крепкое спиртное, самодельные лодки – долблёные, шитые, клееные, рыбацкие сети.**

Оружие: фабричного **очень мало**, и оно **очень дорого.** Луки. У белых чаще **стальные арбалеты**, самодельные. Встречаются кустарные **пищали.**

Денежная система: общая **отсутствует**, в зачатке до сих пор. **Золотой флорин** чеканят в Манаусе, у остальных городов свои золотые монеты. Медь и никель не прижились, бумаги нет – не верят (*отсутствие гособразований, союзов, стабильных статусов обеспечения?*). Золото для крупных сделок, встречается редко. Система чеканки № 2 – дикая: каждый сам приходит к ювелиру при губернаторе. Тот проверяет, устанавливает массовую долю и чеканит по образцам какого угодно достоинства, размером от ноготка миз. до тарелки! Монета одной стоимости может быть разных размеров и веса! Стихийное формирование денежной системы, подумать не мог! Ад! Золотым украшениям не верят, много

подделок навезли арабы и африканцы (*у наших женщин?*). С серебром всё точно так же.

Ещё – бутылки с топливом, спиртом. Патроны. Широко – меновая или контрактная, мелкий товарный кредит.

Банки: **отсутствуют**.

Почтовое сообщение: регулярное **отсутствует**. Казуальная доставка (*кто доставляет? примерная частота?*).

Медицина: в городах, мало, **частная**. Изредка встречаются спецы в поселениях.

Образование: общего нет. В Манаусе маленькая **частная школа**. Дорогая.

Культура: **менестрельная**. Единичные забавники.

Верования: **хоть отбавляй**. Маленькие храмы в городах, реже в посёлках. Охвата после переноса нет.

Природные месторождения: **единичны**. Есть при городах. Недалеко от Манауса – **соль** в горах, **уголь**. Всё дорого.

Политика, войны:... (*уточнить!*).

ВАЖНО!

Прорезы: **односторонние, невидимые**. Стоят на **постоянных местах**. Креста **не наблюдаешь**, но Прорез там стоит. Кроме того, Прорез на Енисее не будет виден, если идёшь по течению, проходишь, только если идёшь против течения, других случаев не зафиксировано! Выбрасывает же всегда **по течению!** Обратных Прорезов не знает. Ищут... Слухи есть, регулярно вбрасываются – такой-то де удрал! Враньё, возвращается либо его находят. Или не враньё. Лю-

ди верят.

Дислокация Прорезов: **по всему миру, только на судоходных реках**, никаких озёр и морей (*сплавищикам по горным не грозит*). Всегда в каких-то левых местах (*типа сусанинско-нашего...*)

Вот и как тут ужинать?

Моего собеседника всё не было, со стороны кухни сразу на двух незнакомых языках доносилась тихая и не очень ругань: женщины у скандинавов горячие, в парандже не ходят. Похоже, староста просто разгоняет банду зевак по насестам, что сделать не так уж просто – всем хочется поглазеть на чужестранцев, а в идеале посидеть и потрогать.

Предупредив остальных, я вышел на улицу. Над крыльцом столовой горела одинокая электрическая лампа – по случаю встречи староста распорядился запустить генератор, это честь и большая уважуха, топлива в посёлке мало. Ещё три масляных светильника горели неподалёку – ярко, без дыма и чада, интересно, что они туда заливают?

Местный народ явно не спал. Да и как тут уснёшь, когда перед посёлком стоит на воде красавец корабль! Матери безуспешно заматали детей в койку, те подчинялись, но уже через некоторое время то один, то другой малыш появлялся и застывал в дверях, с восхищением глядя на символ былой цивилизации.

Поляна вокруг строений давно и плотно утоптана, травы

мало, в основном под домами. Я обратил внимание на тропинки, выложенные из вбитых в грунт широких деревянных дисков, – наверное, это актуально в сезон дождей, не стоит вблизи жилища месить ногами грязь. Цивилизованное место, если так можно сказать о вынужденной культуре «назад в деревню». Тут вообще всё построено со знанием дела, хорошо себя проявил симбиоз скандинавского с индейским.

Совсем рядом по-восточному мистически серебрилось огромное дрожащее зеркало текущей воды. К ночи Лета как-то замерла, если не вымерла, над поверхностью стихли все звуки, спрятались в лесу птицы, и даже деревья не шелестели листво́й, хотя еще пару часов назад поднимался быстро набирающий силу северный ветерок, обещая нагнать волну... Устал он или передумал – опять штиль в заливе, лишь пятна небольших водоворотов загадочно мерцают под звёздами. Любой слабый звук заставляет вздрагивать. Хруст сломанной под мягкой лапой или шелест случайно упавшей ветки звучит неожиданно громко и тревожно, настолько тихо вокруг. Звуки редки, джунгли спят. Иногда взвизгивают в хижинах так и не успокоившиеся дети, и еле слышно работает генератор в пристройке.

Пока я тянул свою бездушную «электронку», старательно насыщая кровь остатками полезного никотина, ветер поднялся снова. Вода в заливе начинала волноваться, покрываясь разводами мелкой ряби, с другого берега на поселок наползала огромная грозовая туча, на горизонте справа уже об-

стреливавшая ночное небо короткими грозowymi молниями, вспышки которых словно стробоскопом рисовали контуры мрачных кучевых облаков. Ого! Надо бы капитану сказать: если поднимется крепкий шторм, какие здесь, как выяснилось, бывают, стихия закроет акваторию намертво.

Молния вспыхнула снова, уже ближе. И тут раздались звуки. Они, оказывается, просто притихли перед непогодой! Лес по соседству заполнило шуршание муравьёв и огромных жуков, которыми ещё предстоит полюбоваться, набирал громкость шорох и треск пробегающих по веткам обезьян и диковатый смех ночных птиц. Или мне всё это лишь чудится?

Вышел капитан, присел рядом, набивая трубочку.

– Лета... Надо же... Канули в Лету!

– Надо будет какой-нибудь приток нашей родной Смородиной обозвать, пусть знают, – буркнул он.

– Может, уже кто и назвал из наших... Предшественников. Шторма не будет?

– Не похоже, ветер поперёк идёт, сильную волну не разгонит.

– Что-то ты угрюм, шкипер, – вот в такие моменты на «ты» и переходит.

– Ох... Да голова пухнет. Ты вот скажи, Герман, как мы завтра пойдём не выспавшись, а? С такой башкой только за пульт вставать.

– Проблемка... Никак не пойдём, в себя надо прийти.

Предлагаю сразу после брифинга уйти на остров и там постоять денёк. Разведаем, осмотримся, развеемся. Люди по земле ходят, дети набегаются. Пора, кстати, остатки почты распотрошить, всё пересчитать и учесть, хватит уже выжидать, бег закончен, картина прорисовалась. Илья Александрович, ну что ты морщишься! Не доставить эту почту получателю, забрали почтальона Печкина! А здесь многое из содержимого тех промысловых ящиков пригодиться может, что тут думать! Да и чего ты боишься? Аптеку реквизировали, так не стоит останавливаться, процесс это захватывающий, и он должен быть завершён в кратчайший срок. Вот на берегу спокойно всё и сделаем, ломанём копилку. И подальше от чужих глаз, чтобы не провоцировать.

– Пожалуй, прав ты, буржуй... А потом на Манаус сходим, – определился Самарин.

– Тем более! Надо всё обдумать, прикинуть, что можем предложить, и что нужно нам. В идеале родить сервис.

– Ты сейчас котяру напоминаешь, подобравшегося для прыжка. За жирной мышью... Какой такой сервис? – удивился шкипер, вынимая трубку изо рта. – Пыхнешь?

– А давай! – решил я.

Моя «электронка» уже опустела, нужно брать новую, а пачка в каюте. Хотел было выкинуть коричневую металлическую палочку в кусты под дом, да вовремя передумал, сунул её в карман – механику отдам. Похоже, пора бездумного наполнения мусорных корзин закончилась, теперь нам всё

пригодится. Вот как выглядит, оказывается, эпоха всеобщей вторичной переработки...

– Так что ты там про сервис говорил? Пассажиров возить по посёлкам? Могём, дело привычное.

Крепкая табачная смесь обожгла гортань, вызвав в горле такой приятный каждому курильщику спазм. Эстеты говорят, что курительной трубкой затягиваться нельзя. Дурь! Тогда надо просто жевать никотиновые пластинки, клеить на лоб пластырь и не морочить людям голову. Табак надо курить, жирное надо есть, спирт надо пить, вот так вот... А не пихать в носки или натираться. Либо уж бросать насовсем. Травиться стоит честно, качественно, в том правда. Как, впрочем, и оздоравливаться. Суррогатно нормальную жизнь не проживёшь – суррогат к финишу и выйдет.

– Не та маржа... Ух, хор-рошо-о! – выдохнул я сизую струю. – Крепка смесь капитанская! Фосген! Перевозки? Мелочовка... Так вот, «пассажир» – это, конечно, статус, но недостаточный, забиваться надо на более крутое, нам бы чего покрепче ухватить, поперспективней, понимаешь? Поэтому я хочу заключить контракты с торговцами Манауса, для начала, либо же самим уйти в опт и организовать нормальный плавучий магазин. Плюс скупка ништяка, так самим меньше искать придётся – самое ценное и нужное вовремя замечается и отбрасывается к себе. И по рекам-притокам... Это же совсем другое дело, белые люди, карго-культ! Самим, что ли, по джунглям шариться? Значимость огромная, пассажи-

ров – попутно и за отдельные деньги. Да их много не будет... Маневр совсем другой, возможностей по добыче информации гораздо больше. Ну и товарооборот на ритейле покруче, на местных Мальдивах отдыхать будем... Дети у нас, зачем им жить впроголодь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.